

МХОМ
ПОРОСШЕ

Ольга Лесник

Ольга Лесник
Мхом поросшие

«Автор»

2026

Лесник О.

Мхом поросшие / О. Лесник — «Автор», 2026

Мне слышен шепот смертной силы, За ворот сыплется зноба. Химерной особью
повинна, Тенями пляшущая мгла. Стихает шум простого люда, Сжимает грудь,
повсюду тьма. И сколько б не смотрел ты в окна, В тебя в ответ взглянёт она.
(Меланхолические приключения с аномальными аномалиями и монстрами.)
Команда охотников на не званых гостей отправляется на север. Алисе
предстоит выполнить её первую миссию в роли граничника. На заполярье
тишина стала опаснее крика, а сон - оружием массового поражения.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
пролог	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ольга Лесник

Мхом поросшие

Глава 1

Кованый стоял в конце больничного коридора, у пожарного выхода, и смотрел вперёд, туда, где тьма сгущалась настолько, что даже его глаза с трудом различали стены. Обычный человек увидел бы просто отсутствие света. Кованый видел *нечто иное*.

— Ну что там? — голос Берёзова прозвучал приглушённо. Старик стоял у двери, рядом с двумя фигурами в тёмных куртках.

— Растянулась, — бросил ему Кованый, не оборачиваясь. — Метров на триста. При должных пятидесяти.

— Фантастика, — протянула один из фигур — мужчина лет тридцати, с небольшим планшетом и брезгливым выражением на лице. — Очередная *зона*. Вы можете просто... ну, побыстрее? Мне на совещание успеть нужно.

— Я не таксопарк, Дроздов, — спокойно ответил Кованый. — Если хочешь побыстрее — могу уступить место.

Дроздов побледнел и сделал шаг назад, словно его пригласили прыгнуть в пропасть.

— Наша задача — сбор данных, — вмешалась вторая фигура, женщина постарше, с короткой стрижкой и усталыми глазами. — А ликвидация — ваша. Мы просто ждём. И фиксируем.

— Вот и ждите, Полина Николаевна. Фиксируйте. И желательно молча, а лучше, ступайте на свои совещания и не мешайте работать.

Кованый повернулся к коридору, давая понять, что разговор окончен. Но Дроздов не унимался — тихо, почти шёпотом, но достаточно громко, чтобы Кованый услышал проговорил:

— Вот же тварь... Никто с ним работать не хочет. Старик ещё терпит, но мы-то зачем?

— Заткнись, — одёрнула его Полина Викторовна. — Ещё услышит.

— А мне плевать. Всё равно он меня не тронет. Да и с начальством связываться не будет.

Кованый на это лишь усмехнулся. Такие разговоры он слышал постоянно. На каждом объекте. От каждого «аналитика», который сидел в тёплой машине, пока такие как он, лезли в пекло.

— У нас семь пропавших, — напомнил старик. — Санитарка, пациент из триста второй, потом фельдшер из скорой и вся трёхсотая палата. — что ты чувствуешь от дыры?

— *Забвение*. И будто их нет, но они есть. Предполагаю они... забыли, как выходить.

Берёзов подошёл ближе. В руке его поблёскивал старый потёртый амулет — серебряный круг с едва различимыми рунами.

— Сколько людей внутри сейчас? — спросил старик.

— Чувствую троих, вроде живы — Кованый прикрыл глаза, прислушиваясь к чему-то, что находилось за гранью обычных чувств.

— Думаешь тебя она впустит?

— Да — Он открыл глаза. — Это не горе. Не злоба. Это... *правило*. Игра, у которой есть условия. Чтобы войти, нужно что-то выполнить. Или, наоборот, *не* выполнить.

Они двинулись вперёд медленно, держась стен. Свет от фонариков упирался в темноту и гас, не достигая даже середины коридора. Казалось, тьма впитывает его как промокашка.

Кованый сделал жест рукой, и Берёзов поднёс к глазам старый, закопчённый осколок стекла. Сквозь него мир выглядел иначе: стены — серыми, пол — чёрным, и впереди, метрах в

двадцати, колыхалась *плёнка*. Мерцающая, переливчатая, похожая на мыльный пузырь, только огромная — от пола до потолка. Берёзов опустил осколок.

— Нужно будет дойти до конца. До настоящего и оборвать связь.

— Я пойду первым, — сказал Кованый. — Ты страхуешь.

— Возраст не позволяет быть героем? — усмехнулся Берёзов.

— Ты нужен мне живым. Чтобы рассказал остальным, если что-то пойдёт не так. Этим планктонам доверия никакого.

Старик хотел возразить, но Кованый уже шагнул в темноту. Она пропустила его беззвучно, лишь на секунду полыхнула бледным, болезненным светом. И сомкнулась за спиной, отрезая от внешнего мира. Дроздов проводил его взглядом, полным смеси страха и отвращения.

— Как вы с ним работаете, Михаил Иванович? — спросил он у Берёзова. — Это же... это уже не человек. Сущность в человеческой оболочке. Никогда не знаешь, когда сорвётся.

— Этот не сорвётся, — спокойно ответил Берёзов, не отрывая глаз от тёмного провала коридора. — Я знаю.

— Мне рассказали старшие, что слушок один за ним есть, мол он...

— Слухами земля полнится. — Берёзов оборвал тему. — Лучше скажите, что у вас по приборам.

Полина Николаевна склонилась над подсвеченным бледно-зелёным экраном ноутбука. — Аномальное поле расширяется. Сейчас... шестьдесят метров в глубину. Он уже внутри?

— Да

В коридоре, в темноте, Кованый шёл вперёд. Фонарик был ни к чему — его глаза видели достаточно. Стены обычные, казённые, с выцветшей краской и редкими плакатами «Мойте руки». Но чем дальше он уходил от входа, тем сильнее менялось пространство. Потолок поднимался. Пол становился мягче, будто резиновый. Лампы под потолком тускло мерцали, но не разгоняли тьму, а только подчёркивали её.

Впереди, двигались фигуры. Трое. Те самые пропавшие, он запомнил их лица. Кованый ускорил шаг, но не бежал — бег здесь был бы ошибкой.

Фигуры приближались. Санитарка, пациент, фельдшер. Их лица были пусты, глаза открыты, но не видящие. Губы шевелятся, будто повторяют одну и ту же молитву.

— Эй, — позвал Кованый.

Он коснулся плеча фельдшера — тот не остановился. Проходил сквозь руку, как сквозь дым, хотя тело было тёплым, живым.

— Параллель, — пробормотал Кованый. — Не здесь, но и не там. Посередине.

Он пошёл дальше, оставляя «блуждающих» позади.

Коридор тянулся. Стены покрылись трещинами, из которых сочился слабый, молочный свет. В этом свете Кованый увидел тени. Они скользили по стенам, обгоняли его, забегали вперёд, но ни одна не приближалась. Он остановился, пригляделся. Сквозь штукатурку проступали очертания будто кто-то пытался вырваться наружу из стены и застыл на полпути.

Те четверо... Поглощённые.

— Вы уже не люди, — сказал им Кованый тихо. — Я запомню вас.

Лица в стенах не ответили. Только глаза — пустые, белые — проводили его дальше.

В конце коридора оказалась дверь. Она стояла отдельно, ни к чему не прислонённая, висела в воздухе, чуть приоткрытая, и из щели сочился тот же молочный, больной свет. Пространство вокруг дышало. Не равномерно, как живое существо, а сбивчиво, с долгими паузами — будто кто-то забывал вдохнуть, а потом судорожно навёрстывал.

Здесь, в этой аномалии, были свои законы. Кованый уже сталкивался с подобным — места, где реальность не просто рвалась, а начинала *жить по чужим правилам*. Осталось найти того кто послужил точкой начала игры.

Он сделал шаг вперёд — и пол под ногой издал звук, которого быть не могло. Не скрип, не хруст, а тихий, протяжный *шепот*. Чей-то голос, искажённый до неузнаваемости, но всё ещё человеческий.

— *не помню... как зовут... мама...*

Кованый замер. Второй шаг — другой голос, женский, срывающийся на плач:

— *зачем я сюда пришла? где моя... где моя рука?*

Третий шаг — тишина. Но под подошвой что-то хрустнуло, и он опустил взгляд.

На полу, прямо на линолеуме, лежала фотография. Старая, выцветшая, с неровными краями. На ней — женщина средних лет, улыбается, прижимая к себе пушистого кота. Обычный снимок.

Кованый поднял его. На обороте — подпись шариковой ручкой: «*Ирина Петровна, 2012. Мой Рыжик*».

Он оглянулся. Стены, покрытые трещинами, теперь казались ему не просто повреждённой штукатуркой — они были исписаны. Мелкие, едва различимые буквы складывались в слова, имена, даты, обрывки фраз. Чей-то почерк, детский, старательный: «*меня зовут Катя*». Чуть ниже, другим, размашистым: «*я обещал вернуться*». И снова, и снова, слоями, будто здесь годами записывали то, что боялись забыть.

Кованый провёл рукой по стене, и буквы под его пальцами зашевелились, перетекая в новые слова:

«*я не хочу исчезнуть*»

«*пожалуйста, вспомните меня*»

«*моё имя — Валерий Павлович Соколов, я жил на Ленина 15, у меня была собака Джессика, я люблю гречневую кашу*»

Парень достал из внутреннего кармана куртки наушник и вставил в ухо.

— Берёзов, — позвал он негромко. — Приём.

В динамике захрустело, потом прорезался знакомый, спокойный голос:

— Слышу тебя. Что видишь?

— Стены пишут. Имена, даты, обрывки. Люди записывают то, что боятся забыть. — Кованый провёл пальцем по ближайшей трещине, и буквы под рукой зашевелились, складываясь в новую фразу: «*я Валя, мне семь лет, у меня был велосипед*». — Здесь не просто теряют ориентацию. Здесь теряют память.

— Звучит знакомо... — Берёзов замялся, и в его голосе прорезалась озабоченность. — Есть одна гипотеза. Я встречал описание похожего дела в старых протоколах. Еще как услышал про больницу и поглощающий коридор, всплыло в памяти. Двадцатые годы, детский санаторий под Ленинградом. Дети жаловались, что забывают имена, пропадали их соседи, а на стенах появлялись надписи. Местные граничники решили не разбираться и просто сожгли здание в пепел... — Старик тяжело вздохнул. — Дай мне пару минут. — С той стороны послышались стуки по клавиатуре.

Кованый толкнул дверь. За ней оказалась не палата — серая пустота, а в центре, на единственном стуле, сидела девочка в больничной пижаме. В руках — потрёпанная временем кукла.

— Тут ребёнок, девочка. — Прошептал он, ожидая старика — я не могу понять, жива она или нет.

В наушнике щёлкнуло — голос Берёзова вещал:

— Нашёл. Дело санатория. Та же симптоматика. Похоже и та же сущность... Вот лентяи. — Старик ругнулся. — В деле написано что аномалию уничтожили, но тут всё кричит что такое только запечатывать и ждать пока не рассосётся... Да, девочка... Она уже не жива, просто память тех людей мешает тебе увидеть её личину.

— Понял, — ответил Кованый, не отводя взгляда от ребёнка.

Он шагнул ближе, к порогу. Кукла в руках девочки дёрнулась. — Я не отдам! Они мои. Я собрала их по кусочкам. Кто ты такой, чтобы забирать?

Руки его начали чернеть. Глаза — сотни глаз — открылись на коже, на одежде, в воздухе вокруг. Все они смотрели на девочку. И сквозь неё, на то, что сидело внутри.

— Я запрю тебя здесь. В этой комнате. За этой дверью.

Тьма с его пальцев сорвалась — не в девочку, а в дверь. В косяки, в щели, в пространство между. Плёнка аномалии вздрогнула, замерцала — и начала сжиматься. Стены коридора за спиной затрещали, осыпаясь штукатуркой, и сквозь трещины пробился настоящий свет — тусклый, больничный, но живой.

Девочка закричала тысячей голосов. Тех, кого она поглотила. Тех, кто был в стенах. Тех, кто забыл себя.

— Ты не можешь! Я — память! Я — то, что остаётся, когда всё уходит!

Но, Кованого, до слов очередной твари из теневого мира, небыло никакого дела. Он сжал кулак. Дверь — та самая, что висела в пустоте, — с грохотом захлопнулась. Серебряный нож блеснул в темноте и вывел на двери роспись символов. Руны вспыхнули, проступая сквозь вековую пыль, и вплавились в дерево, оставляя глубокие, обугленные борозды. Кованый шагнул к ней, прижал ладонь и его собственная тьма потекла по щелям, запечатывая, превращая дверь в монолит. Не взломать.

Пространство выдохнуло. Пустота схлопнулась, оставив Кованого посреди обычного больничного коридора.

Утро понедельника вползло в комнату серым, скудным светом. Будильник надрылся где-то на прикроватной тумбе – настойчиво, но Алиса ещё с минуту лежала неподвижно, глядя в потолок, по которому скользили тени проезжающих за окном машин.

Сон утекал стремительно, оставляя после себя липкий, тягучий осадок. Там, в глубине, она что-то потеряла. Или у неё отняли. Очень ценное. И чувство было такое, будто это *уже никогда* не вернуть.

Детали растворились, едва она моргнула. Остался только озноб, ползущий вдоль позвоночника, и сосущая пустота под рёбрами.

– Сон – сном, – сказала она вслух, и собственный голос прозвучал сипло, чуждо. – Чёрт с ним.

Нужно было спешить.

Вода в душе обожгла холодом, приводя в чувство. Алиса терла кожу мочалкой, словно пыталась содрать с себя остатки ночного кошмара, и лишь когда пальцы коснулись плеча – резкая, саднящая боль заставила её вздрогнуть.

Она глянула в зеркало. На плече, чуть выше ключицы, темнел странный след. Не синяк, не царапина – скорее, раздражение, будто по коже долго возили наждачной бумагой. Или веткой. Шершавой.

Дерево шевельнулось.

Алиса зажмурилась, мотнула головой. Дурь. Приснится же такое.

В ответ, из зеркала, на неё глянула бледная, взъерошенная девчонка с короткими, чуть рыжеватыми волосами до плеч – хна, которой она красилась под цвет брата, уже начинала смываться у корней, открывая пепельно-русую поросль.

В ясную погоду её глаза отливали янтарём, почти жёлтым, но в пасмурные, как сегодня, дни в них проступала холодная, болотная зелень – странная, беспокойная игра, которую она сама замечала, только если подолгу всматривалась в своё отражение. Но сейчас времени на это небыло.

Она вылетела на остановку, наскоро уложила влажные волосы, и только когда автобус тронулся, заметила, что забыла зонт. Впрочем, дождь – хорошее оправдание. И мокрой голове, и рассеянному взгляду.

Привычное место вдали салона, запотевшее окно. Алиса прижалась лбом к стеклу, наблюдая, как мимо плывут знакомые очертания: детская площадка, длинная, цветущая осенними цветами, улица, а вот и её цветочная лавка, приютившаяся у парка, пекарня справа, кофейня слева.

Здесь, в этом маленьком мирке, всё было просто и понятно. Люди приходили за букетами: для свиданий, для юбилеев, для извинений. А она делала эти букеты, вплетая в стебли чужие надежды, и чувствовала себя причастной к чьему-то счастью. Это удерживало. Давало почувствовать, что она – на своём месте.

В цветочном, едва переступив порог, Алиса с досадой поняла: ленточки остались дома. Новый набор, тот самый, с лесными орнаментами – она ведь специально заказывала его для дедушки.

– Чёрт.

Девушка замерла посреди магазина, прижимая пальцы к вискам. Мысли разбежались, как мокрые мухи по стеклу. Сон, эта дурацкая боль в плече, чувство, будто она что-то упускает...

– *Поди сюда. Тебе не стоит бояться.*

Она вздрогнула и обернулась. Никого. Только влажные следы на полу от её собственных ботинок.

– Тренируемся на кошках, – пробормотала она, вытаскивая телефон.

Брат ответил после третьего гудка.

– Привет, – голос у него был сонный, но, услышав про «стаканчик кофе», оживился мгновенно. – Чудно-то как, я в деле!

Алиса улыбнулась, сбрасывая вызов. Артём. Единственный, кто умудрялся называть «чудно» любую, даже самую дурацкую просьбу.

Она открыла магазин. Перевернула табличку с надписью «открыто/закрыто». Зажгла свет. Поправила цветы в витрине. Всё как обычно.

Только руки слегка дрожали.

Артём проснулся от телефонного звонка, и первые несколько секунд лежал, тупо глядя в потолок, пытаясь понять, кто и зачем посмел нарушить его законный выходной.

— Привет, — голос сонный, с хрипотцой. — Ты чего в такую рань?

— Ленточки забыла, — голос сестры звучал виновато. — Те, с папоротником. А у меня покупатель скоро... Ты не мог бы...

— Ленточки, — понимающе протянул Артём. — Ну конечно. А говорила, что я безответственный. — Он сел на кровати, потёр лицо ладонями. — Ладно, пойду за твоими ленточками. С тебя кофе, а то я сегодня ещё не завтракал.

— С удовольствием, — в голосе сестры прорезалась улыбка.

— И пирожное! — спохватился он. — С фундуком. Чтобы жизнь мёдом не казалась.

Она рассмеялась и сбросила вызов.

Сестру он любил. Это было незыблемо, как гранит. И то, что сегодня удастся её повидать – пусть и по такому дурацкому поводу – грело где-то в груди.

Мать встретила его на пороге кухни с тем самым выражением лица, которое он называл про себя «инквизиторским». Взгляд, полный немого укора и многозначительного молчания.

Артём привычно пропустил мимо ушей лекцию о том, что «сидишь на месте, штаны протираешь», взял ключи и вышел.

Да, ему двадцать шесть, да, он, в отличии от младшей сестры, живёт с ними, и да, работает удалённо.

Она не знала. И не нужно ей знать, что «протираание штанов» приносит денег больше, чем её работа в поликлинике. Пусть думает что хочет.

В подъезде сестры лифт, как назло, сдох. Артём глянул на табло «8» и тяжело вздохнул.

– Физкульт-привет, – выдохнул Артём и полез наверх.

Квартира встретила его тишиной и запахом сухих цветов. Прихожая – скромная, опрятная, «показушная», как он про себя называл. Всё для гостей: милый коврик, тумбочка, зеркало. Алиса всегда умела создавать видимость порядка. Настоящее начиналось за дверью её комнаты.

Туда он вошёл медленно, стараясь ничего не задеть.

Светло-фиолетовые стены, такой же потолок. Белый пол, усыпанный ковриками в виде котиков. На двери – пижама с пионами, на кровати – горы недочитанных книг, недоплетённых браслетов, каких-то фантиков. Гирлянды, лианы, мягкие грибочки. И везде, абсолютно везде – её картины.

Артём остановился посреди этого уютного хаоса и почувствовал, как привычно сжимается сердце.

Артём постоял посреди этого уютного хаоса, помотал головой и полез искать ленточки.

— Да где ж вы... — бормотал он, перебирая мотки, рулоны, обрезки. — Ага, пошли, милые.

Нужные орнаменты — с папоротником и грибами — лежали сверху, будто ждали его. Артём сунул их в карман и уже собрался уходить, но взгляд упал на трёхъярусную когтеточку возле кровати.

Кот, которого не стало пять лет назад. Алиса тогда рыдала неделю. А он был в учебке и даже не мог её обнять.

— Эх, Мряка, — вздохнул Артём. — Надеюсь хоть ты присматриваешь за ней в моё отсутствие.

В цветочный он влетел запыхавшийся.

— Такс, доставка! — гаркнул он с порога. — Один рыжий курьер в придачу!

— Артём! — Алиса вынырнула из-за стеллажа с цветами, сияя. — Как же хорошо, что есть такой отзывчивый брат!

— А кто бы ещё согласился? — хмыкнул он, протягивая ленточки. — Ты своих попроси — они сразу в кусты. А я, весь из себя героический, на восьмой этаж без лифта... — Он развёл руками. — Герой нашего времени, между прочим.

— Герой, герой, — засмеялась Алиса. — Садись, присмотри за всем, я за кофе!

— Да ладно, я пошутил, не надо...

Но она уже летела к двери, накидывая плащ на плечи.

— Я быстро! И пирожное с фундуком захвачу!

Оставшись один, Артём оглядел магазин. Стерильная чистота, свежие цветы в вазах, аккуратные ряды горшков. Его сестра устроила здесь свой маленький рай. Он сел на стул у витрины, положил ногу на ногу и принялся ждать.

Интересно, ей здесь правда нравится?

Он не успел додумать – Алиса вернулась с двумя стаканами и коробочкой пирожных.

— Американо с молоком, как ты любишь. — Она поставила стакан перед ним.

— Ай да сестра, ай да молодец, — одобрил Артём, с хрустом откусывая половину. — Ты меня балуешь.

— Не то чтобы, — Алиса села напротив, отпила свой чай. — Просто... ты единственный, кого я могу попросить и кто не задаёт лишних вопросов.

— Вопросы — это скучно, — отмахнулся Артём. — Я человек конкретный: ленточки принёс? Принёс. Кофе дали? Дали. Пирожное? Вот оно. Жизнь удалась.

Алиса улыбнулась.

— Слушай, — сказал он, накрывая её ладонь своей. — Ты если что — звони. В любое время. Я прилечу, поняла?

— Ты с чего это? — сестра оторопела, а в голове пронеслось: *Неужели он заметил мою тревогу? Во даёт.* — И будет история как в тот раз? Когда ты приехал в два ночи с пакетом лимонов, потому что я чихала?

— А что? — Артём пожал плечами. — Лимон — отличное средство. И вообще, я забочусь о твоём здоровье. Кто, кроме меня?

Она рассмеялась — на этот раз искренне.

Они поболтали с полчаса. О пустяках, о родителях, о том, что у неё скоро диплом, а она даже не начинала. Артём слушал, кивал, пил кофе, и почти поверил, что всё нормально.

Он шёл, насвистывая привычный мотив, и вдруг почувствовал — что-то не так. Какое-то смутное беспокойство зацепилось крючком где-то под рёбрами.

— Да брось, — сказал он себе. — Ленточки, цветочки. У неё всё пучком.

Но всю дорогу домой его не покидало странное чувство. Будто он забыл что-то важное.

«Хороший у меня брат. Дурачок, конечно, но... душевный».

Алиса провела его взглядом до угла, потом закрыла дверь и прислонилась к косяку лбом. После ухода брата в магазине стало тихо. Слишком тихо. Алиса привыкла к этому сонному, послеобеденному безмолвию, но сегодня оно давило на уши, перетекало в голову густым, вязким шумом.

Она отпрянула от двери, достала ленточки. Разложила на столе, перебирая орнаменты: лисички, грибы, дубовые листья. Дедушка любил лесную тематику. Говорил, в этом есть что-то истонное, правильное.

«При выборе цветов, — учил он, — прислушивайся душой к заказчику. Смотри в глаза. Чутьё подскажет».

Она прислушалась.

И вздрогнула.

Пустота в груди сжалась, обхватила лёгкие ледяными пальцами. Звуки с улицы схлынули, будто кто-то выкрутил регулятор громкости. Стало холодно — могильно, не по-осеннему холодно.

А потом за спиной, в густой, маслянистой тишине, шёпот.

— *Используй мох...*

Это был её собственный голос. И не её.

— Что? — выдохнула Алиса.

— *Используй мох. Ты знаешь, как.*

Резкая боль в спине — та же, что утром, только в десять раз сильнее — заставила её вскрикнуть и вцепиться в край стола. Ленточки посыпались на пол. Инструменты звякнули.

Алиса рухнула на колени, судорожно хватая ртом воздух. Руки не слушались, скользя по гладкой бумаге, по холодной грязи...

Грязи?

Она замерла.

Пол в цветочной лавке был безупречно чистым. Она сама мыла его сегодня утром. Откуда здесь грязь?

Из-под стола, медленно, тягуче, выползла чёрная, склизкая лапа. Мокрая, вязкая, она скользнула по запястью Алисы, сжала.

– Не трожь меня! – закричала она, отдёргивая руку.

И морок схлынул.

Снова стало слышно улицу. Мимо витрины пробежали дети, у которых из рук вырвался большой чёрный пёс. Будто ничего только что и не происходило.

Алиса сидела на полу, тяжело дыша, и смотрела на свои чистые, сухие ладони.

– Это всё стресс, – прошептала она. – Просто... просто стресс.

Она поднялась, заставила себя взять в руки секатор, ножницы. Привычные движения успокаивали, возвращали в реальность. Горшки протёрты, пол блестит, ленты рассортированы, мусор вынесен.

— Кра-со-та! — сказала она вслух, и голос прозвучал почти уверенно.

Дедушка не пришёл. Алиса прождала час. Потом ещё полтора. На часах давно перевалило за два, и тревога, которую она пыталась затолкать поглубже, вырвалась наружу колючим, царапающим комом в горле.

Этот старик ходил к ней даже с температурой под сорок. Даже когда у него была сломана нога – хромал, опираясь на трость, но приходил. Понедельник был священным.

Значит, случилось что-то серьёзное. Будь у неё номер, можно было позвонить, узнать. Но по какой-то причине, раньше она не задумывалась о надобности поинтересоваться.

Алиса накинула плащ, заперла магазин и почти побежала к старенькой хрущёвке, на ходу набирая сообщение начальнице.

Двери были распахнуты и подпёрты осколком кирпича – удача. Подъезд встретил её запахом сырости и застарелой пыли. Алиса, пролёт за пролётом, поднялась на пятый этаж и замерла перед пятнадцатой квартирой.

Внутри всё кричало: *здесь*.

Дверь была приоткрыта.

Пометавшись в нерешимости, сделала шаг и постучалась для приличия, открыла дверь и вошла.

– Добрый день, – позвала она, переступая порог. – Извините за беспокойство, у вас дверь...

Тишина.

– открыта...

Тишина была неправильной. Не той, когда дома никого нет. Нутро сжалось и маленький монстрик в нём, бешено взвыл о неправильности происходящего. В руке был телефон, на случай вызова неотложки... Либо к ней еще и полиции.

« - та-ак. всё в порядке, бояться нечего. Давай тело: шаг один, шаг другой...»

Алиса двинулась вперёд, стараясь ступать бесшумно. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая шаги. Шторы затянуты, свет едва сочится из-за плотной ткани, и комната утопала в густом полумраке.

Спереди – шорох. Потом стон. Болезненный, сдавленный.

Она рванула туда, споткнулась о край ковра, удержалась. Дедушка сидел на полу, привалившись к тумбе, и медленно сползал вниз. Лицо белое, губы синие.

– Дедушка! – Алиса бросилась к нему, присела на корточки. – Что с вами? Сейчас, сейчас я вызову...

В углу, за занавеской, кто-то сидел.

«- О-о-неет... Нет. Нет. Нет. Нет всё - глюки. Глюки и никак иначе. Такого не бывает.»

Тощее, неестественно вытянутое. Оно тянуло к ней свои руки – иссохшие, чёрные, с длинными, словно оплавленными пальцами. Лица у него не было. Только две чёрные дыры там, где должны быть глаза.

Алиса хотела закричать, но звук застрял в горле.

В трубке раздался голос диспетчера, и видение исчезло.

Дальше всё было как в тумане. Скорая, вопросы, больничные коридоры. Ей сказали: приступ, старика увезли в реанимацию, вы не родственница? тогда ждите здесь, потом придут оформлять.

Она не ждала. Она оставила свой номер и вышла на улицу, вдохнула холодный вечерний воздух, и только тогда позволила себе дышать.

«- Показалось. Просто показалось. Нервы, переутомление, эти дурацкие байки, которыми старик кормил все четыре года... Знает же что я трусиха, а смеётся и продолжает »

Но внутренний зверь – брат в шутку называл так её невероятную интуицию – не успокаивался. Он ворочался, скрёб когтями изнутри, требовал: *вернись. посмотри. надо закончить.*

Алиса находилась в прострации и ноги сами привели её обратно.

В подъезде горел свет, когда она вошла. Но не успев дойти до второго, замерла между этажами, не смея ступить и шага. Наблюдая как быстро замигали и потухли лампочки.

«- Ну всё, приехали. Не так ли в хоррорах обычно начинается эпизод, тянущий за собой смерть персонажа? »

Пошарив по карманам, выудила телефон, тот благо, пока не предавал, она включила фонарик. Решила, раз уж пошла, можно хотя б доделать дело до конца, просто показать себе, что всё в порядке, и то, что ей привиделось уголком глаза – всего лишь разыгравшееся воображение.

С трудом подавляя панику, задумалась.– Нервы, – сказала она себе. – Сейчас дойду до двери, посмотрю, заперто ли, и уйду. Просто проверю.

Она дошла. Заперто. Повернулась, чтобы идти обратно.

И ноги перестали держать.

Оно стояло в углу лестничной клетки, согнувшись почти пополам, чтобы поместиться между этажами. Чёрное, обтянутое кожей, в смолистых пятнах. Без рта, без носа – только две зияющие впадины, из которых сочилась та же слизь. И в глубине этих провалов, далеко-далеко, едва мерцал белый, мёртвый свет.

– Да кто там по ночам смуту наводит! – дверь рядом распахнулась, выплёскивая в коридор жёлтый прямоугольник света.

Алиса обернулась. Женщина, лет тридцати, в халате, смотрела на неё с недоумением и лёгкой злостью.

– Девочка? Ты чего раскричалась? У меня пёс глухой, и то переполошился!

Алиса перевела взгляд туда, где только что стояло существо.

Никого.

– Простите, – голос дрожал, сипел. – Я просто... темноты боюсь.

Женщина сама растерялась и слегка смягчилась.

– Пусть и так. Держи себя в руках. И не шастай одна по ночам.

Алиса кивала, сжимала собственные плечи, пытаясь унять дрожь. Спустилась вниз вместе с женщиной, слушала её ворчание о работниках ЖЭКа, кивала на предложение познакомиться с сыном, сказанное в скользь.

Дома включила всё что могло светиться. Запустила на компьютере сериал на фон. Позвонила подруге – поболтать о пустяках.

– Кота что ли завести? – спросила она в пустоту после того, как подруга попрощалась. Ответа не было.

Глава 2

Утро вторника пришло не с рассветом, а с болью. Она расплзалась по телу медленно, вязко, будто корни пускала под кожу. Алиса лежала в кровати, глядя в потолок, и чувствовала, как каждый удар сердца отдаётся в висках тупой, назойливой пульсацией.

Термометр показывал тридцать семь и пять. Вроде бы ерунда, но озноб выкручивал суставы, заставлял кутаться в одеяло, которое всё равно не грело.

– Второй раз за неделю подвожу начальницу, – прошептала она осипшим, чужим голосом.
– Не порядок.

Голова кружилась. В ушах стоял шум — неясный, навязчивый, то ли ветер, то ли далёкие голоса. С кухни доносились звуки: будто хлопают дверцы шкафчиков, гудит микроволновка. Алиса знала, что никого там нет, но всё равно невольно прислушивалась, к проявлению этого призрачного быта.

На периферии, в самом углу комнаты, мелькнуло движение.

Она резко повернула голову – пусто. Только ворох одежды на стуле, только тени от занавесок, всего лишь...

Показалось...

Она снова провалилась в сон – тяжёлый, без сновидений, похожий на медленное утопание.

Второе пробуждение было ещё хуже первого.

Алиса обнаружила себя на холодном кафеле ванной. Желудок выворачивало спазмами. Руки и ноги онемели.

– Не простуда, – сказала она вслух, и эхо в пустой ванной сделало голос плоским, чужим.
– Надо брату позвонить.

Ледяная вода привела в чувство. Алиса умывалась долго, с наслаждением, чувствуя, как уходит тошнота, как проясняется в голове.

Телефон не включался.

– Зашибись, – выдохнула она, глядя на чёрный экран. – Вовремя ты сдох.

Аптечка была скудной – старый, ещё бабушкин анальгин, просроченный активированный уголь, пара пластырей. Алиса наглоталась таблеток, запивая водой из-под крана, и села на кухонный стул, глядя в окно.

Светало. Или уже вечерело? Она потеряла счёт времени.

Потом выяснилось, что света нет. Выглянув на улицу, Алиса увидела, что и соседние многоэтажки стоят тёмными глыбами, и фонари вдоль дороги не горят. Отключение значит повсеместное.

– Прекрасно, – сказала она пустой квартире. – Неделя началась – лучше некуда.

Собралась на автомате: кошелек, пальто, сумка, наушники вместо шапки. Телефон, бесполезный, сунула в карман по привычке. В конце концов, свежий воздух всегда помогал ей при простуде. А заодно можно зайти в магазин, купить продуктов.

Площадка встретила её спёртым, затхлым воздухом. Алиса поморщилась и, недолго думая, распахнула старое окно на лестничной клетке – навалилась всем телом, заставив рассохшуюся раму поддаться.

Осенний ветер ворвался внутрь, принося с собой запах прелых листьев и холод. И только тогда она увидела.

Пыль.

Толстый, плотный слой серой, бархатистой пыли покрывал пол, ступени, подоконник. Она лежала ровной, нетронутой пеленой, будто здесь месяцами никто не ходил.

– Вот это да, – прошептала Алиса. – И за что я только скидываюсь старшей по дому...

Слова увязли в тишине.

Она двинулась вниз, стараясь не поднимать эту густую пыль. Странное чувство ползло по позвоночнику, заставляло оглядываться. Ни у одной двери не было следов. Никаких. Словно в этом подъезде никто не жил уже очень давно.

«– М... Может с улицы намело? Пожалуйста?»

Алиса взгляделась в окно на втором этаже. Солнце – то самое, которое должно было уже подняться высоко – всё ещё маячило на горизонте, плоское, неестественно алое, и не спешило двигаться дальше.

– Бред, – выдохнула она.

На улице бреда стало больше.

Дом, в котором она проживала, с левой стороны от цоколя до самой крыши был густо оплетён мхом. Мягкий малахит переливался разными оттенками зелёного – от болотного до изумрудного, влажно блестел на утреннем свете, живой, дышащий. Соседние дома тоже пострадали, но меньше: только отдельные, скупые пятна разбросанные то тут – то там.

И туман. Густой, молочно-белый, он лежал на земле ровной, гладкой пеленой, скрывая тротуары, лавочки, припаркованные у обочины машины.

Алиса прошла несколько улиц, прежде чем позволила себе признать: происходит что-то абсолютно... катастрофически... ненормальное.

И ни одного человека.

Осознание ударило под дых, выбивая воздух из лёгких. Она остановилась, схватившись за столб, и почувствовала, как по спине стекает холодный пот. Ноги налились свинцом, отказываясь нести дальше.

Паническая атака.

С этими симптомами она сталкивалась в далёком детстве. Когда-то мама потеряла маленькую Алису на вокзале, и нашли её только на следующий день, на другом конце города, всю искусанную, перепуганную, почти немую от ужаса. Потом были психологи, таблетки, долгие разговоры о «безопасном пространстве». Собак она невзлюбила с тех пор намертво. И долгое время избавлялась от панических атак, появившихся ни с того – ни с сего.

Алиса опустила на ближайшую лавочку, уткнулась лицом в ладони и заставила себя дышать. Медленно. Глубоко. Считать удары сердца.

Прошло десять минут, а может, час. Она пришла в себя.

Солнце всё так же висело над горизонтом, но, кажется, сместилось к северу. Птицы молчали. Ни бродячих собак, ни кошек, ни даже ворон с голубями – ничего живого. Только ветер шелестел листвой, и тени под домами казались гуще, чернее, чем должны быть.

Алиса встала и пошла в центр.

Ответов там так же не нашлось.

Двери магазинов распахнуты настежь – внутри ни души. Товары стоят на полках, на прилавке забытая кем-то книга. Всё выглядело так, будто люди исчезли внезапно, посреди обычного дня, не успев даже удивиться.

Она не решалась заходить внутрь. Страх – липкий, иррациональный – держал на расстоянии.

Всё время, пока она бродила по городу, её не покидало ощущение чужого взгляда. Кто-то смотрел из-за углов, из подворотен, из чёрных провалов окон. Иногда за спиной хрустела ветка, катился камень, и Алиса резко оборачивалась, но никого не находила.

«– Только тени. Везде тени.»

Она дошла до цветочного почти на автомате.

Магазинчик стоял на своём месте, и двери его были так же распахнуты, но всё отличие было разительным. Мох. Он покрывал всё: стены, витрину, прилавки, стулья. Плотным, махровым одеялом, в котором утопали горшки с увядшими цветами, касса, даже секатор, забытый на столе. Не тронутыми остались только окна – два мутных, заплаканных прямоугольника, сквозь которые сочился скудный свет.

Алиса подошла ближе, протянула руку. Мох был мягким, упругим, чуть влажным. Она провела по нему пальцами, и странное, щемящее чувство шевельнулось в груди.

Родной. Тёплый. Почти живой.

– Используй мох, – прошептала она, не понимая, откуда пришли эти слова.

Ветер усиливался. Небо, затянутое грозowymi тучами, набухло темнотой. Алиса отняла руку от мха и, не оглядываясь, пошла прочь.

Возвращаться в свой подъезд не хотелось.

Она села на лавочку перед своим непривычно зелёным домом и уставилась на дверь, за той клубилась тьма. Внутренний зверь – тот, что жил где-то под рёбрами – ворчал, царапался, шипел. *Не ходи. Опасно.*

Она и не шла.

Сумерки сгущались быстро, хотя солнце всё ещё висело на горизонте. Фонари не зажглись. Алиса сидела в темноте, вжимаясь спиной в холодную деревянную спинку скамейки, и бродила взглядом по неожиданно чистому небу в поисках луны.

– Прячься. – проскулил незнакомый голос в голове.

Тело стало дрожать, мозг сигнализировал о приближении чего-то необъяснимого но жутко опасного.

– Куда? – выдохнула она, вскакивая.

Сердце колотилось где-то в горле, а взгляд заметался по двору. Паника. Кусты, ограда, куча листвы за ними... Там. Ямка. Та самая, куда в детстве её прятал брат, засыпая листьями. Алиса рванула туда, упала на колени, зарылась в холодную, прелую массу. И замерла. На долю секунды вспыхнула мысль – Боже, что я творю?

Время тянулось бесконечно. Алиса сделала маленькое окошко – ровно чтобы видеть дверь подъезда. И не спешила вылезать.

А потом дверь с грохотом распахнулась, и из неё начала выползать рука.

Длинная. Чёрная. Вся в вязкой, маслянистой слизи, которая капала на землю, оставляя дымящиеся следы. Рука нащупала лавочку, на которой не так давно сидела сама Алиса, оперлась на неё и стала вытягивать остальное.

Алиса зажала рот ладонями, не позволяя себе дышать.

«– Страшно. Мамочка, как же страшно. Пожалуйста, пусть это будет просто сон. Просто, дурацкий, страшный сон и я скорей проснусь.»

Вслед за рукой показалась голова. За тем – вторая рука. Существо поднималось, росло, распрямлялось во весь свой чудовищный рост – и вот уже его макушка сравнялась с крышей девятиэтажки. Тощее, неестественно вытянутое, с руками, свисающими почти до земли. Без рта, без носа, без ушей. Только две чёрные, бездонные дыры там, где должны быть глаза.

– один из древних...

Оно двинулось прочь, волоча руки по земле. Медленно. Тягуче. Потом замерло, и Алиса перестала дышать.

Чудовище покачнулось, его голова начала медленно поворачиваться.

– *Закрой глаза!*

Голос ударил в сознание, властный, знакомый до боли. Тот самый, что вёл её сквозь кошмар. Тот, кому она поверила тогда, в липкой темноте.

Алиса зажмурилась.

– Что же делать? – мысли метались, натыкались друг на друга, разбивались в пульсирующую боль за глазами. – Что делать, что делать...

– *Не шевелись. Не дыши. Оно ищет тебя.*

Она уткнулась лицом в сырую землю, зажимая рот и нос ладонями, чтобы не всхлипнуть. Холод прильнул ко лбу, принося странное, слегка болезненное облегчение. Внутренний зверь сжался в комок и затих.

Тишина длилась вечность.

А потом послышался шорох. Скрежет. Утробный, низкий рык, от которого вибрировали зубы. Звуки множились, приближались, стекались отовсюду.

Алиса не выдержала.

Она приоткрыла один глаз – и встретила взглядом с двумя чёрными дырами, что смотрели на неё в упор из-за края ямки.

Большая рука ухватила её вместе с охапкой жёлтых листьев и вздернула в воздух.

Алиса закричала – сорвано, хрипло, не слыша собственного голоса. Рванулась, пытаюсь освободиться, но хватка чудовища была железной. Пальцы – длинные, неестественно гибкие – расплзлись щупальцами, оплели запястья, локти, шею. Потекли по телу, оставляя на коже холодный, жгучий след.

Она висела в воздухе, глядя прямо в эти бездонные провалы, в которых, далеко-далеко, едва мерцал белый, мёртвый свет.

Чудище изучало её.

Внизу, из теней под домами, вытекали другие. Чёрные, тощие, похожие на ободранных псов. Они обступали большую тварь кольцом, скалили зубы, глухо рычали. Их кожа свисала лоскутами, местами обнажая серую, сочащуюся плоть. Глаза горели в темноте сотнями холодных звёзд.

Всё больше. Всё ближе.

Алиса перестала кричать. Воздуха не хватало – щупальце сдавило горло. В глазах темнело. Силы утекали вместе с криком.

Оно обвило голову, задевая рот. Холодное, склизкое. Отвратительное...

Она закрыла глаза.

А за рёбрами, что-то *проснулось*.

Внутренний зверь, до сели безучастно сидевший внутри, выпустил когти и впился зубами в щупальце, собравшееся разможжить череп.

Глава 3

Он смотрел вперёд, с силой сжимая слегка трясущимися руками руль. Лихо проносясь мимо машин, вдавливая педаль газа в пол, будто пытаясь убежать от самого себя. Парень часто так делал, это был его некий ритуал, для успокоения.

В родных краях, когда их ещё можно было так назвать, наличие машины не требовалось. Сельская местность: два шага туда, два шага сюда – и конец. Необходимости ходить в школу тоже не было – родители Кованого нанимали репетиторов для трёх своих сыновей и лишь на время экзаменов вывозили их в город. Да, тогда он ещё считал, что ничего странного в их изолированной, от общества, жизни не было. До пятнадцати лет. А потом его будто подвесили за ноги и окунули в чан с лавой, чтобы следом выкинуть в ледяной сугроб. Не стало больше ни беготни с детьми прислуги у реки, ни постройки тайных укрытий в чаще за домом, ни спокойных вечеров в библиотеке, переполненной книгами о монстрах – тех, что пробегали мурашками по коже, но от которых было не оторвать глаз. Теперь эти сущности стали реальностью. А он, как старший брат – главная опора после отца и наследник семейного «долга». *Проклятия*, – обозвал его как-то Кованый, за что получил оплеуху от отца.

За окном то и дело, сливаясь в яркие полосы, мелькали разноцветные магазины, громады не спящих зданий, вечерние ярмарки, площади, кишашие уличными музыкантами, лившие свои постыдные песни. Срывался дождь.

Поворот, ещё один. Сей час – сбросить скорость и вывернуть руль почти на полный оборот, юркнув в неприметный проулок, невидимый для посторонних глаз. Давно эти старенькие, сутулые улицы, не видели подобной резвости на своих дорогах. Яркий центр города всегда забирал всех лихачей себе, тесня их, глушил громкими басами, слепил вспышками рекламных вывесок, а неон выжигал тени. Именно за подобные выходы, Кованый и не любил большие города. Этот не стал исключением – для него он воспринимался очередным, как и все те другие, пытались выделиться, и тем самым становились как под копирку, одними из множества таких же. Не то что бы, имело большое значение, где выполнять свои рабочие обязанности, но Кованый всё же предпочитал более тихие и скромные места.

Сейчас, заворачивая в безмятежное спокойствие, можно было выдохнуть, позволить себе насладиться вечерними сумерками, сбавить обороты. Старенькие панельки мягко укутывали друг друга, закрывали своих обитателей, дарили некое чувство безопасности. Ухоженные садики, целые, аккуратные оградки, по дворам не шастают стайки собак – всё говорит о культурности района, тут люди заботятся о том, где живут.

- Да, старик не стал бы пускать корни в плохой земле – мелькнула у Кованого мысль, и уголки его губ дрогнули в лёгкой, почти невесомой улыбке.

Срывающийся ранее дождь – усилился, всё же решил объявить о себе раскатистым громом, под его низкий аккомпанемент, девушка, лежащая без сознания на заднем сиденье, понемногу начала приходить в себя. В нос ударил резкий запах страха, охватившего её. Кованый почувствовал бушующую бурю эмоций, она вихрем пронеслась и утихла, понемногу давая выступить осознанности.

Голова гудела, не позволяя сразу открыть глаза. Какое-то время девушка просто лежала, не решаясь подать виду, что проснулась. Издали доносились скомканые, приглушённые звуки: гул мотора, удары капель о крышу, а ещё – кто-то изредка покашливал.

Приоткрыв один глаз, она попыталась разглядеть хоть что-то, что даст ответ, пусть на один вопрос, но даст. Четно, чёрные сидения впереди мешали разглядеть водителя. Пришлось открыть оба глаза, слегка повернуться на бок и постараться как можно тише оглядеться.

- Уже пришла в себя? – голос спереди прозвучал немного сипло. – Врач сообщил: тебе в ближайшие три-четыре дня не стоит напрягаться, а сейчас советую и вовсе лежать.

- Что? – девушка оторопело уставилась на отражение, выхваченное в зеркале заднего вида. – Где я? И... Что? – Она выглядела крайне растеряно, приподнявшись повыше, упиравшись на локтях. От таких действий лёгкие прошибла острая боль и сила мгновенно ушла из рук.

- *Боже...* Да что, черт возьми, происходит? – слегка сорвавшись на хрип, она негодуя воззрилась на часть спины незнакомого ей человека. Не долго по гипнотизировала её и предположила, что отвечать ей не собираются. Перевернулась животом кверху и стала ощупывать горящее место.

Парень, сделавший паузу длиною в вечность, вновь прочистил горло и продолжил: – Меня, зовут Кованый, сейчас мы едем к дому одного твоего знакомого. Старый, более подробно введёт тебя в курс дела. Ему и задашь все вопросы. – Звучало это максимально холодно и отстранённо. Алисе даже показалось, будто температура в машине стала катастрофически быстро стремиться к нулю.

- Какой еще знакомый? Можно конкретнее? – Эти расплывчатые ответы, непонятная боль и равнодушие человека, который явно что-то знает - начали выводили Алису из себя.

Спереди послышалось цыканье и невнятное бормотание под нос. И это - полностью отбило желание как-либо наладить контакт.

«– То есть, я еду в незнакомой машине, с незнакомым мне человеком, в неизвестное место. И этот грубый тип ждет от меня смирения? Или... А как я вообще оказалась в такой ситуации?»

Следовало успокоиться, позволить всему идти дальше, и погрузиться в воспоминания. Постараться понять, что могло послужить такому неожиданному финалу.

*«– Вот я провожу день в цветочном, ловлю необъяснимые галлюцинации. Далее иду разбираться с бабушкой, ловлю всё те же галлюцинации. На следующее утро, сильно заболела и попадаю в: до ужаса **страшный кошмар**. А после...»*

«– Кошмар... Чем он... закончился?»

Она приподняла низ своего свитера, стала ощупывать пульсирующие места. Бинты покрывали и грудь, и живот. Рука потянулась к шее, на той тоже была повязка, а на щеке красовался пластырь.

- Да не может такого быть – она не произнесла это вслух, лишь судорожно шевелила губами.

Однако, грубый человек спереди, решил всё-таки поддержать беседу.

- То, что с тобой произошло, вполне реально. – машина замедлилась. – Не часто, конечно, такое случается с простыми людьми. Но учитывая, что в тебе всё же есть кое-что – действия этих тварей вполне оправданны.

После заглушенного мотора, не прошло и минуты как по дверному окну спереди, кто-то аккуратно постучал. Алиса вздрогнула, ей почудилось, будто бы пространство вокруг, на мгновение исказилось. Это секундное изменение, заставило подкожные мурашки - дремлющие на спине, активироваться и распространиться по всему телу. Она почувствовала: как сжалось её нутро, как зверь начал скрестить о грудную клетку. По какой-то причине появилось чувство неопишуемого, до боли знакомого, ужаса, в этот миг глаза застелила пелена паники.

- Не открывай дверь. – Слова вылетели раньше, чем Алиса успела что-либо сообразить, вжимаясь в заднее сидение она укуталась из ниоткуда взявшимся покрывалом, будто то могло обеспечить ей защиту.

Парень спереди помедлил с ответом, прокашлялся и буднично произнёс: - Этого тебе страшиться не стоит. - Одарив её такой неубедительной фразой, он вышел из машины.

Всё ещё свернувшаяся комочком, она вдруг ощутила, как сквозь общий шок пробивается острое, жгучее напоминание – рана под грудью. Не просто болело – саднило так, что в глазах темнело, пространство плыло и перекашивалось. Каждый бьющийся удар боли утягивал её, в бездонную, густую забыть.

Сознание возвращалось обрывками, короткими и неясными, будто сквозь толщу мутной воды. В эти моменты, витая где-то на грани сна и яви, Алиса улавливала разрозненные ощущения: как ухватив под руки, её вытягивали из машины, запах – пыльный и сладковатый, въедался в слизистую. А ещё – глухое, частое постукивание. Иногда в просветы вползали звуки: низкое, утробное ворчание, будто бы прямо над ухом, и противный, леденящий душу скрежет – как что-то острое царапало по камню или земле. И снова – провал в небытие.

Потом всё стихло. Паника исчезла, осталась где-то там, за закрытой дверью. В нос ударил приятный, знакомый аромат. Тело, до этого напряженное, стало расслабляться и даже боль ушла, позволяя девушке принять заслуженный спокойный сон.

Ветер гулял по простору, вздымая золотые волны. На западе, меж туч, тлела заря - сумерки близились. Она ступила босую ногою на тропу и лишь тогда ощутила непривычность одеяния - грубого, домотканого, но тревоги оно не вызвало. Словно бы так и надлежало.

- Ступай вперёд, скоро начнётся. – наказал чужой голос в голове. И она без раздумий – двинулась вперед.

Поле, обнятое темнеющим лесом, дышало зрелостью. Меж колосьев, прячась, ютился чертополох. Вспархивали серые птицы-невелички, наводя шуму.

Вдали замаячили избы - темные, сгорбленные, будто выросшие из самой земли. Шаг, и их стало больше, не сосчитать. Ещё шаг - и очутилась она на расчищенном, отоптанном просторе.

Кричали ребятишки, сновавшие меж взрослых. Те выкатывали из сеней долбленные лавки, перекликались меж собой. Двое парней, волокли сухостойное бревно. Все суетились, собираясь вокруг сложенного горой хвороста – высокого, до самого неба. Его уже обложили по кругу поленьями.

- Когда там уже старшие соберутся? Нетерпиться посмотреть. – взмолился проходящий мимо мальчишка с взъерошенным вихром.

- Матушка сказала: как солнце за поле скроется, тогда и время, - отозвался, поучая того старший.

Алиса не расслышала продолжения - еще миг, и окружение снова переменилось. Теперь стояла она на лесной опушке, у края деревни. Темень наступала быстрее.

Из чащи донесся волчий вой. Ему вторили другие - и резко оборвались, сменившись рыком, хриплым. Лес загудел, задрожал. На приближающуюся угрозу залились лаем деревенские псы. Тишина пала на миг. Сзади послышался скулеж - жалобный, приглушенный. И тогда, она вновь очутилась в другом месте. Чаща, густая, тёмная и что вызвало у Алисы страх: не правильно тихая.

Из-за деревьев выползла Тень. Она растекалась густой патокой, темнее ночи, оставляя за собой влажный след. В ней угадывались очертания рогатого зверя - морду скрывала пелена, и сияли тьмой две впадины. Оно двинулось вперёд, сквозь прорехи шкуры белели ребра. На ветвистых рогах, обвитых дымкой, безвольно свешивался и ритмично шагу покачивался волчий труп.

Зверь прошёл мимо, а ноги девушки, безвольно, последовали за удаляющимся сгустком тьмы. Вид которого отзывался в груди не страхом. Болью.

В один миг, вспыхнули языки пламени, поднимаясь до небес. Будто маяк заблудшим путникам, осветив лес багрянцем. В далеке раздался приглушённый ликующий гул. И зверь, чьё тело сочились тенями, резко поменяв направление, ринулся на всполохи костра.

После дней, наполненных страданиями, болью и бесконечными кошмарами, это пробуждение казалось благодатью. Возможно, ей давно уже не было настолько хорошо. Остатки сна улетучились, как клочок тумана. Она спустила с мягкой перины ноги, одну за другой, и осмотрелась.

Место было знакомым: милые, простые рисунки различных цветов, расклеенных поверх приятно зелёных обоев, мягкий, ворсистый ковёр, в котором хотелось утонуть. И комната, и весь дом словно сияли незримой защитой, которую упорно поддерживали могучие старческие руки. Знакомое, вот только, она готова была поклясться, что ни разу не была здесь.

Стоило ей попытаться подняться, как прильнувшие силы вмиг оставили её, заставляя с глухим стуком опуститься на колени. К счастью, она успела перенести вес на руки и смягчить падение, упёршись локтями в край кровати. Но боль – незваная гостья в это прекрасное «утро» – всё же изъявила желание прийти.

Из соседней комнаты доносились приглушённые голоса, спорящие о чём-то и временами повышавшие тон. Падение Алисы не наделало много шума, но говорящие разом замолчали, и в тишине послышались приближающиеся, шаркающие шаги. Девушка поспешила взять себя в руки и забраться обратно в постель, стараясь придать себе более презентабельный вид.

Дверь медленно отворилась, и в комнату, не спеша и по-доброму улыбаясь, вошёл подтянутый старичок, от которого веяло запахом свежей мяты и шалфея. Высокий – Алиса своей макушкой, доставала ему лишь до подбородка – яркие зелёные глаза, иногда отливавшие золотом, с такой искренней заботой смотрящие в её тёмное болото.

В их первую встречу, Алису напугал и внешний и внутренний вид дедули. Тот пусть и носил седину, тело его было грозным, широким, в элегантном чёрном плаще, с таким же чёрным галстуком, тростью и шляпой в руках. А его, теперь с такой мягкостью смотрящие глаза, тогда казались пустыми и безжизненными.

Тот день, день их первой встречи, отчётливо запечатлелся в её памяти.

Это был её третий день работы. За окном лил дождь, иногда гроыхало грозное небо, с самого утра не было ни одного покупателя. Алиса бережно раскладывала по полкам новые горшочки с пёстрыми фиалками, нашептывая им пожелания обрести достойных хозяев, когда дверной звонок внезапно вырвал её из сотканного тонкой нитью мирка.

Холодный голос пожилого мужчины разнёсся эхом. – Четырнадцать белых лилий, – Молвил тот. Тяжесть печали, можно было ощутить, даже не глядя в его сторону. Он стоял прямо, сложив руки на трость перед собой и уставившись в разводы капель на окне – хотя казалось, будто он смотрит куда-то за грань реальности.

Алисе стоило больших усилий оторваться от места и сделать первые шаги – настолько сгустилась, стала вязкой атмосфера в маленьком цветочном магазине. Новую партию лилий привезли как раз вчера. Девушка достала четырнадцать пышных ветвей, расправила сжатые листья и уложила их так, чтобы и без того роскошный букет смотрелся ещё величественнее.

– Какой ленточкой повязать? – Она долго боялась нарушить тишину. Тревога, смешанные чувства безысходности, печаль – всё это не умещалось в нём и нещадным, сносящим потоком выливалось наружу. – И что насчёт обёртки?

Пожилой мужчина не оторвал глаз от окна, бросил быстрое,

– Обёртки не нужно. Лентой... – Он запнулся, задумавшись, и его пальцы забили слабый ритм по тыльной стороне другой руки. – Что-то светлое, но не чисто белое.

Он ещё немного постоял в раздумьях, но вскоре вновь погрузился в созерцание стихии за стеклом.

Девушка в общих чертах осознавала, что четырнадцать лилий и столь печальный мужчина, означали, либо похороны, либо визит на кладбище. В любом случае – тяжесть на сердце. Рука сама потянулась к верхнему правому углу стеллажа, отмерила глазом нужную длину. Ловким движением она сделала надрез и, сплетая концы пышной ленты, окончила изящный перламутровый бант с серебристым узором из переплетённых листьев папоротника. Лепестки пышных белых лилий, играли красками в такт с лентой.

Когда она наконец оторвала взгляд от своей работы, то встретила с изучающим взглядом старика. Казалось, он ворошил что-то глубоко внутри, пытаясь что-то вспомнить или понять. У Алисы на мгновение дрогнул мир, и она едва не пошатнулась, но всё так же быстро прошло.

– Как вас зовут? – в его голосе прозвучала неподдельная заинтересованность, к этому миру и к тому, что в нём происходит, а больше всего – к самой Алисе.

Глава 4

Алиса сидела на краю дивана, обхватив себя руками. Она сжимала край свитера, под которым ещё ныли заживающие раны. Каждое движение отзывалось тупой болью – напоминанием о том, что случилось. О той твари. О том, как тьма внутри неё взвыла и вырвалась наружу.

Берёзов вернулся с чашкой чая и сел напротив. Долго молчал, глядя на неё своими глубокими, зелёными глазами, которые сегодня казались особенно тёмными, без привычного золотистого отсвета.

– Я начну? – спросил он тихо.

Алиса кивнула. Хотя внутри всё сжималось от страха. Старик протянул руку и коснулся её виска. Ладонь была тёплой, шершавой, пахла травами, как и сам старик.

– Тогда смотри.

Мир качнулся.

Перед глазами Алисы поплыли образы – яркие, болезненно чёткие, словно кто-то включил кино прямо в её сознании и выкрутил резкость на максимум. И с невероятной скоростью стал прокручивать в её голове.

Она стоит у витрины цветочного. За окном – яркое солнце. В руках – секатор. Она обрезает сухие листья с фиалок.

Дверной звонок. Входит старик. Касается её виска, и они вместе уходят.

Они вдвоём сидят на его веранде. Дед обучает её, она читает много книг и делает записи.

А вот кадр где старик показывает ей разное оружие и приборы. Говорит о воющих, шушаре, призраках...

Всё новые и новые воспоминания влетали в её голову. Страница за страницей, возвращались на свои места.

Каждый раз, после урока, старик, тем же способом забирал воспоминания, оставляя в душе лишь смутное эхо, пустоту, которую сознание само дорисовывало. Так он позволял ей существовать между мирами – не разрываясь, но и не принадлежа полностью ни одному из них, сохраняя иллюзию обычной жизни, пока она не была готова, принять свою истинную суть, и в состоянии противостоять тому, что придёт за ней – знающей.

Теперь же настал час, когда Алисе предстояло окончательно встать рядом с Берёзовым. Время учиться не просто понимать, а действовать. Потому он вернул ей всё и оставил одну, позволив в безмолвной тишине комнаты, собрать все кусочки памяти воедино, разобраться в себе и в той себе, которая раньше жила лишь по понедельникам.

Стало понятно, почему квартира старика, в которую, казалось бы, впервые она ступила этим роковым понедельником, дышала таким знакомым, почти родным покоем. Та, *другая Алиса* – та, что жила в моменты "понимания" – уже не раз переступала этот порог. Эти стены помнили её шаги, её тихие вопросы и их приглушённые споры.

И тот роковой разговор, вопрос заданный стариком на кануне, готова ли Алиса к своему первому серьёзному делу. Конечно же она была готова, выбора особо и не давалось, а беря во внимание тот факт, что *они* уже чуяли её... Медлить было нельзя.

Старик объяснил, что пусть задание и подходящее, он – стар, а Алиса – еще не опытна, первые пару дел, стоит поработать в команде, с теми кто разбирается.

И когда же она вышла, для более глубокого и долгого разговора, её встретили три пары глаз, одни из которых были ей до невозможности знакомы. Этих глаз она меньше всего ожидала увидеть здесь, на краю другого мира, где всё, что она знала, больше не имело значения.

– Так, я немного в замешательстве, каким образом, ты, связан с этими людьми? – Алиса обвела рукой сразу грубого человека, представившегося Кованым. Затем перевела руку

дальше, показывая на мужчину со странной Затем выжидающе посмотрела на самого не вписывающегося из этой троицы... – Артём...

Парень с короткими рыжими кудрями – Артём – изучающе скользил по собравшимся. Взгляд его, привыкший сканировать, цеплялся за детали: затаённую усталость в плечах старика, слишком спокойные руки Кованого, отстранённую вежливость иностранца. Чаще всего он возвращался к сестре, выискивая в ней отголоски того мира, в который та шагнула без оглядки, и к счастью, пока не находил.

– Из всей этой... коалиции, – он произнёс слово с легкой издевкой, – я знаком только с Кованым. Пересекались когда-то. – На последних словах голос его стал тише, а взгляд, будто прицел, навёлся на парня справа. – Тип он мутный. Будь на стороже.

Тот в ответ лишь хмыкнул, не отрываясь от созерцания окна, за которым сгущались сумерки. Его буд-то не волновало происходящее вокруг. Погружённый в свои мысли, он вертел в длинных пальцах зажигалку, по виду, та казалась дорогой. Но при этом обернулся, смеривая Артёма взглядом.

– А мне помнится ты был не любителем *думать*. – Хмыкнул Кованый – Я запомнил тебя только как пугливого несмышлёного щенка.

Их «милый» обмен любезностями разрезал грохот. Тарелка, груженная стопкой блинов, с тяжёлым стуком опустилась в центр стола, заставив чашки зазвенеть на блюдцах. А начавших спор – вздрогнуть.

– Господа, – голос Старика был спокоен и даже мягок, но в нём звучал укор. – Прошу, оставим дурной тон за порогом. За этим столом – не место распрям. – он присел на своё место во главе стола и продолжил, налаживая каждому в тарелку по блину. – Давайте сделаем проще. Я вас всех знаю. Но вам стоит услышать друг друга. Познакомиться не как люди с улицы, а как те, кто теперь смотрит в одну сторону. И собираются вести одно дело. – Он закончил раскладывать и обвёл всех взглядом, который на мгновение задержался на Алисе. – Начни ты, девочка.

Девушка вздрогнула, словно её вернули из далёких мыслей. Задумчиво, она оглядела присутствующих. – Алиса, – её голос прозвучал тихо, но чётко. – Работаю... Раньше работала в цветочном. Младшая сестра Артёма. – Она кивнула в сторону брата. Пальцы её непроизвольно теребили край салфетки. – Дедуля Берёзов... почти четыре года как мой наставник. Граничная сущность – Фелис. – Она сделала паузу, обдумывая можно ли дополнить чем-то еще, и не найдя подходящей информации, окончила – на этом всё.

Воцарилась звенящая тишина, которую, к большому облегчению Алисы, поспешил прервать светловолосый мужчина.

– Меня зовут Элиас, – начал он, тщательно выстраивая фразы. Слова давались ему с небольшим усилием и звучали с лёгким акцентом. – Я родом из Канады. Прибыл сюда, чтобы перенять опыт мистера Берёзова. В наших... *узких кругах*, он – известная фигура. Граничник старой закалки. – Он сделал небольшую, вежливую паузу, давая термину осесть. – Я тоже являюсь Граничником. Но моя специализация – скорее теория, научные дела. Изучение аномалий.

– Граничник? – резкий голос Артёма, в сравнении с спокойным и размеренным голосом Элиаса, кольнул по слуху. Он перевёл взгляд на Берёзова ожидая ответа.

– Те, кто добровольно, или нет, заточил в себе тeneвую сущность другого мира. Может её контролировать и использует данную силу, чтобы удерживать границу на замке. – Пояснил Берёзов.

Артём сделал вдох, готовясь задать вопрос, витавший в его голове с самого начала: «А как моя сестра стала...» Но слова затерялись. Алиса опередила его, резко и четко, будто отсекая ненужную ветвь разговора.

– Давай дадим слово всем, – её голос прозвучал твёрже, чем можно было ожидать. – Мне вот интересно послушать твоего старого знакомого. – Она перевела взгляд на Кованого.

Тот, методично покончив со вторым блином, положил себе третий. Движения его были лишены суеты, грациозны и казалось, буд-то повторял их по привычке. Он поднял взгляд – не на Алису, что бесцеремонно разглядывала то как он ест, а словно сквозь собравшихся.

– Кованый. Специализация – охота, поимка, устранение. Знакомый этого рыжего балбеса. – Он сделал секундную паузу, чтобы поймать на себе обострившийся, взгляд Артёма. – Когда-то ловил забредшего воющего на их флоте. Хотя, скорее, спасал беднягу от переедания.

– Ты имел в виду «спасал *экипаж* от переедания»? – ухмыльнулся Артём – еш ты за троих, дай бог не за пятерых. Месячный запас исчез и недели не прошло.

Кованый пропустил подколку. На этот раз его пауза была иной – внутренний переключатель щёлкнул, убирая намёк на что-то личное. Голос стал ровным. – Моя семья веками изучала и охотилась на тварей. Я – граничник. Моя сущность – Окулус. Понять. Изучить. Выследить. Устранить. В этом я ас. – Он закончил. Взял вилку с ножом и приступил к поеданию последнего блинчика.

– Окулус? – на этот раз вопрос задала Алиса. Она повернула голову к Берёзову, ища в его ведающих всё глазах объяснение.

Старик отпил чаю, поставив чашку с тихим стуком. Он взглянул на Кованого, будто ища в его глазах позволение, но как бы тот не отреагировал, о подобном, будущей команде нужно рассказать.

– Эти сущности... на грани полного истребления, последнего живого – я встречал ещё в свои юные годы. Их стараются уничтожить в первую очередь, стоит только убедиться в принадлежности. Слишком уж скверны их методы. – Его голос приобрёл оттенок старой книги, читаемой у огня ночью. – Неисчислимо количество глаз. Эти глаза, могут находиться на целые мили друг от друга. Метод – не нападение. Коварство. Окулусы выслеживают жертву неделями, месяцами, годами... нагнетая манию преследования, возвращая семена уже существующих страхов, пока психическое состояние жертвы не даст трещину. А потом... – Берёзов своим взглядом, описал полукруг, по очереди задерживаясь на каждом. – Потом они не дают ей умереть просто от страха. Они ждут, пока не настанут последние секунды. И поглощают плоть пропитанную ужасом. Крайне опасны. Если оборвать их связь с жертвой... они в ярости разрывают помеху на куски, а после, будто насмехаясь, скармливают остатки кому поменьше.

Неловкую тишину разрезал острый, немного насмешливый голос Артёма:

– Самое то для нашего грубоватого друга. Неужели, помимо сил, или чего там, передаётся ещё и характер с аппетитом?

Вопрос повис в воздухе. Кованый не стал сразу отвечать. Он отпил последний глоток чая, поставил кружку, встал. И лишь направляясь к мойке, бросил через плечо, не оборачиваясь:

– Если наш домашний пёс не может отличить рабочие методы от характера... что уж тут поделывать?

Артём вскинул голову, губы уже сложились для очередной колкости, но сестра положила руку на плечо, мотая головой. Её взгляд был скорей не просьбой, а приказом. Укоряющим и усталым. *Хватит*. Этот день был слишком богат на события, особенно у Алисы с Артёмом.

После чая и неловкого молчания, Берёзов объявил, что подробный инструктаж будет завтра, на рассвете, когда усталость не будет давить на разум.

Команда, если это скопление недоверчивых друг другу можно было так назвать, разбрелась по предложенным комнатам старого дома. Элиас вежливо отказался и уехал ночевать в

свой номер. Брат долго общался со стариком Берёзовым за закрытыми дверьми и в итоге оба остались при своём мнении. Но Артём не собирался так просто сдаваться.

Кованый, в отличии от остальных, не пошёл спать. Он вышел на балкон, в густой, пропитанный запахом мокрой хвои и холодным ноябрьским воздухом, туман. Закурил, наблюдая, как тени от редких фонарей на улице неестественно извиваются и медленно ползут. Он не удивился, когда услышал за своей спиной тяжёлые и решительные шаги.

Артём прислонился к косяку, скрестив руки на груди. Его фигура почти полностью заполнила дверной проём.

– Поговорить надо, – начал он, минуя прелюдии.

– Говори, – Кованый, не оборачиваясь, выпустил струйку дыма в ночь.

– Есть вариант... убрать Алису из всего этого дерьма. Совсем. До завтрашнего инструктажа. Она может просто уехать.

Кованый усмехнулся коротко, беззвучно и сухо. – Опоздал ты. Года эдак на четыре, если не больше, рыжий.

– Что это значит?

– Это значит, – наконец повернулся к нему Кованый, и его глаза в полумраке казались совсем тусклыми, не отражающими свет, – что её «втянули» не мы. Не дед. Это случилось еще до того, как старик её нашел. Всё закончилось для неё в тот день, когда сущность была ей поглощена. – Он делал не большие паузы, давая Артёму, время, на осмысление. – Ты думаешь, это как куртку надеть? Когда надо, надел, а когда надо, снял? Её тело несёт брешь, а брешь – притягивает подобное. – Кучерявый парень на против, стоял нерушимой скалой и слушал. Кованый продолжил – Она теперь Граничник. И у неё ровно три пути. Первый: научиться с этим жить, использовать приобретённую силу. Второй: стать лёгкой добычей для чего-то по типу Окулуса. И третий: быть поглощённой своей сущностью без шанса на спасение. Напомню, ты сам видел, что случилось с ней после встречи с банальной тенью. Берёзов даёт ей первый путь.

– Она, могла бы жить нормально! – голос Артёма сдавлен от ярости и бессилия. – Научите её и пусть живёт как обычный человек.

– Нет, – ответ Кованого прозвучал как приговор – «Нормально» для неё закончилось. Ты ведь не знаешь, так я расскажу. Что происходит с теми, кто пытается игнорировать это? Кто запирает свою тень на невидимый ключ и делает вид, что её нет? Они не становятся нормальными. Они становятся... точками напряжения. Разрывами. Брешью в ткани реальности. Их сжирает изнутри сущность, или они притягивают к себе стаи голодных теней, как мёд мух. И умирают. Часто забирая с собой других. Твой выбор – не «втягивать или нет». Твой выбор – позволить ей научиться выживать или обречь на худший исход.

Артём сделал шаг вперёд, его лицо теперь было в полосе тусклого света из окна.

– Может, тебе просто удобно, чтобы ещё одно пушечное мясо влезло в ваши разборки?

На сей раз Кованый не огрызнулся. Он изучающе посмотрел на Артёма. Приблизился к нему, оценивая его психическое состояние.

– Я видел последствия таких вот «нормальных жизней». И хоронил тех, кто думал, как ты. – Он отбросил окуроч, и тот, описав крошечную огненную дугу, исчез в темноте окна, затем послышалось резкое шипение и скрежет. – А насчёт пушечного мяса... Самый большой риск для неё сейчас – это ты.

– Я?!

– Ты. Со своей жадой её защитить, загнать обратно в несуществующую нору. Ты будешь её отвлекать. Ты будешь мешать. Ты будешь пытаться принять решение за неё в момент, когда доля секунды будет решающей. Твоя опека здесь – не щит. Это гиря на ноге у пловца. У тебя пока ещё есть выбор, Артём. Ты не граничник, не изучаешь аномалии. Ты можешь развернуться и уехать, продолжить жить в своём «нормально». Для неё эта дверь закрыта. Не ломай ей единственный инструмент для выживания – её собственную волю.

Тишина между двумя людьми, стоящими по разные стороны, сгустилась, став почти осязаемой.

– Ты чёрствый ублюдок, – прошипел Артём, но в его голосе уже не было прежней уверенности. Была усталость и горечь.

– Возможно, – равнодушно согласился Кованый, снова поворачиваясь к ночи. – Но я чёрствый ублюдок, который хочет, чтобы твоя сестра научилась пользоваться своей силой и могла защитить себя. А для этого ей нужны холодная голова и твёрдая рука. Не старший брат, загораживающий ей обзор. Берёзов даёт тебе вариант присоединиться, потому что от тебя может быть толк, но, если ты собираешься путаться под ногами – лучше уходи.

Он больше не добавлял ничего, давая словам обрести вес и наконец-то вбить их в голову этого глупца. Артём простоял ещё с минуту, сжав кулаки, потом резко развернулся и скрылся в доме, не хлопнув дверью. Он закрыл её аккуратно, с тихим щелчком, боясь разбудить спящих в доме.

Кованый остался один. Он достал вторую сигарету, но так и не зажёт её, просто вертя в пальцах. Внизу, в саду, одна из теней на мгновение оторвалась от ствола сосны и сделала рывок, слишком быстрый и плавный для животного, прежде чем раствориться в чёрной гуще кустов.

– М-да, я уже и забыл, как быстро собирается мелюзга, чувствуя запах свежей крови. – Закрыв окно, он отошел к дивану в уголке и устроившись на нём прикрыл глаза. Но прежде, чем провалиться в сон, его потревожил неожиданно громкий, глухой удар, будто что-то большое упало в глубине квартиры.

Глава 5

Он закрыл за собой дверь и сделал шаг в темноту комнаты. Горечь слов, Кованого, этого мутного фраера из его прошлого, смешалась с собственным бессилием и комом застряла в горле. Взгляд еще не до конца привыкший к темноте, выцепил знакомый силуэт. Алиса стояла, глядя из полумрака, на мгновение почудилось, будто воздух вокруг решил понизить температуру. Артём по её взгляду прочитал – она всё слышала. Сестра показала жест рукой и вышла за дверь.

Кухня тонула в полумраке, освещённая лишь тусклым ночником над раковиной. Алиса смотрела на него поджав губы. В её позе читались неуверенность и напряжение.

– Я слышала, – начала она, и голос слегка надломился, выдавая волнение. – И я считаю, ты, кое-чего так и не понял. У меня нет варианта просто убежать.

– Ты хоть представляешь, во что лезешь? – он шагнул к ней. От безысходности, эмоции взяли верх и Артём по привычке пытался играть авторитетом старшего брата. – Это всё очень серьёзно, не игры, не шутки, в той истории... моим знакомством с Кованым...

– Я всё прекрасно знаю! — выпалила она. – Как раз таки поэтому и согласилась продолжать. – она сделала глубокий вдох. – Все четыре года, я понемногу познавала этот странный, опасный, пугающий мир. У меня есть сила, и я... я научусь её контролировать. И использовать. Что бы защищать! Тебя, маму с папой и простых людей которые понятия не имеют что бегают у них на перефирии.

– Какая сила? Ты и себя то защитить не смогла. – в сжатом крике Артёма прозвучало отчаяние и скепсис. – Ты думаешь, пара трюков Берёзова помогут тебе...

Он не успел окончить. Сестра двинулась – резко, порывисто, с решимостью, лишённой грации. Её бросок был тем еще зрелищем, с точки зрения рукопашника. Любой, кто хоть немного знаком с борьбой, парировал бы это движением одной руки и поставил бы её на лопатки. Артём, ошарашенный самой попыткой, на долю секунды замешкался. И в этот миг почувствовал не физическую силу, а что-то иное – волну холодного, чужеродного вмешательства, которая хлынула из точки касания. Она буквально *подчинила* его инерцию своей воле.

Девочка, что в два раза меньше его самого...

Мир перевернулся.

Он приземлился на спину с глухим стуком. Но шок был не от падения, а от того, *как* это произошло. Он лежал, глядя в кружащую тень на потолке.

– Ох... – простонал он, больше от осознания, чем от боли. Потом тихо, но отчётливо рассмеялся. Коротким, беззвучным смешком. – Боже... Алисия.

Она стояла над ним, тяжело дыша. В её обычных янтарных глазах теперь плескалась паника.

– Видишь? – выдохнула она, пытаясь звучать убедительно, но голос выдавал её с потрохами.

– Вижу, – медленно поднимаясь, отряхиваясь, проговорил Артём. На его лице теперь читались странная смесь смирения и почти инструкторской досады. – Твой захват, если его можно так назвать ты, как будто хотела мне запястье погладить, а не контролировать. Твоя левая нога была на полпятки впереди правой, и любой, кто тяжелее кошки, просто прошагал бы сквозь тебя, отправив в полёт. А ещё, ты чуть себе плечо не вывихнула, делая это. – Он посмотрел ей прямо в глаза и сестра резко отвернулась. А потом прикрыла лицо рукой, как она обычно это делает, когда пытается скрыть эмоции. – Да, я почувствовал. Это была ведь – та самая «штука?» которую ты... подчиняешь? Знаешь... На этот раз. И только потому, что я тебе позволил закончить, этот трюк сработал.

– Но... но получилось же, – пробормотала она.

– Получилось, – согласился Артём, и его голос смягчился. Он сделал шаг и положил руку ей на плечо. – Всё потому, что ты заставила это получиться. Своей волей. И это... это главное. – Он вздохнул. – Ладно. – Ты победила, сделала свой выбор. Я принимаю его. Но если уж ты решила воевать, то давай делать это не абы как.

Она подняла на него взгляд, в котором смешались надежда, удивление и вопрос. – Значит... ты остаёшься?

– Остаюсь, – кивнул он. – Кто же ещё будет учить тебя правильно падать? А то с такими захватами ты не монстра, а себя первую покалечишь. Как будет время, покажу пару приёмов. Настоящих. Без этой... магии. Чтобы ты могла и своими силами что-то делать, если твоя, вот это вот... – Он сделал странный жест рукой в воздухе, а потом ткнул пальцем чуть правее сердца – вдруг загадывает.

На её лице расцвела, улыбка, плечи расправились. – Спасибо, это очень много для меня значит – сказала она в своём обычно задорном тоне. – А еще, не «вот это вот», – она попыталась повторить выписанное странное движение рукой – зови его «Внутренним зверем», мне кажется, ему так больше нравится.

Глаза Артёма расширились. – Так давно? – Вопрос, заданный на выдохе, прозвучал как роковое осознание. Печальный взгляд встретился с усталым напротив.

Алисе уже осточертело то какую драму он строит из-за её проблемы. Вроде пострадавшая тут она, а грустит и распускает сопли тот, кто должен подбодрять. Она въехала ему рукой по плечу.

– Ты мне секунду назад сказал, что принял мой выбор, так что хватит выглядеть как побитый щенок. Да, это случилось очень, очень давно, и я бы больше не хотела возвращаться к этой теме! – парировала она, не давая ему возможности вставить свои возражения или что он там хотел сказать.

Артём собрался, от таких слов кольнуло где-то в районе груди. Но Алиса была права. Он здесь что б быть её поддержкой и опорой, быть тем, кто подставит плечо, прикроет спину.

– Я, Артём, торжественно клянусь: больше не быть, побитым щенком и помогать своей сестре в её... начинаниях? ... И быть тем, кто прикроет спину в нужный момент. – Заговорил он вдруг, как когда-то, в далёком детстве, приносил ей клятву о вечной защите. – Теперь давай спать. А то завтра дед будет грузить своими планами, а мы не в зуб ногой от того, что сонные.

Сестра кивнула, этот Артём ей нравился куда больше.

Они разошлись по комнатам, оба с чистой головой. Артём, лёжа в темноте, уже не чувствовал той горечи. Он осознавал, если надавит на сестру сильнее – она просто исчезнет. Поэтому теперь, у него была усталость и новая, трезвая цель. Его сестра полезла в драку с этим чертовски опасным миром, вооружившись жалкой теорией и необъезженной силой. Ну что ж. Значит, ему придётся стать ей хорошим тренером. Чтобы её первый же реальный бой не стал последним.

А ещё... В сердце таилась некая надежда. Возможно, если он узнает больше об этом мире, сможет найти способ, как вытащить эту *дрянь* из его сестры.

Алиса осталась одна, устроилась на широком диване под мягким пледом. За окном ночь сгушалась, становясь беззвучной, словно город задержал дыхание. Тусклый свет уличного фонаря, пробивавшийся сквозь кружевные занавески, отбрасывал на стены узорчатые тени.

Она закрыла глаза. Картинки всплывали обрывками: липкая темнота подъезда, безглазая тварь, холодное прикосновение шупалец... А потом – голос. Тот самый, спокойный и твёрдый, что вёл её сквозь кошмар. Голос Берёзова.

Четыре года, чёртовы понедельники, чай с мятой, тихие беседы о цветах и забвенные уроки о том, как отличить методы обычных от опасных существей с той стороны.

Берёзов был мастером. Ей помнились их разговоры о разных тварях, но после того, как он убирал страницы памяти, вспоминались они как странные байки чудаковатого старичка, не более.

Она прижала ладонь к груди, туда, где под повязками пульсировала рана. Боль была тупой, ноющей. Не от когтей или зубов, а от разрыва самой ткани её существа, когда *она*, проделало дыру, пытаясь поглотить, а внутреннее вцепилось в чужеродную плоть, «защищая свою хозяйку», хотя скорее, «защищая свою обитель». Она чувствовала его и сейчас – настроженное присутствие где-то за ребрами. Не враг. Не друг.

«– Да... Поднять Артёма оказалось той ещё задачей. Но у меня получилось. Не уверена что поняла как, надеюсь в споре разберусь и с этим.»

Артём прав. Она не умеет драться. Её порыв, попытка доказать – был детской истерикой. В его глазах, это должно быть, выглядело будто дикарь, машет лазерным мечом. Стыд обжёг щёки. Но вместе со стыдом пришло и другое – упрямое чувство. Она *сделала* это. Заставила своего сожителя работать, направила его волей, и брат, взрослый, сильный мужчина, оказался на полу. Пусть криво, пусть нелепо, но оказался.

«Я со всем справлюсь», – прошептала она в тишину комнаты. Фраза повисла в воздухе, став обетом.

Алиса перевернулась на живот, боль словно разрядом тока пробежалась по телу, теперь и принять удобную позу для сна не выйдет. Она с сожалением перевернулась на спину и закрыла глаза. Мысли снова поплыли, цепляясь за лица, фразы.

Кованый – Грубый тип, только язвить и умеет. И пусть в его словах только расчёт и неприкрытая правда, но вот то, как он её преподносит... Окулус, как этот тип уживается с ним?

Элиас – учёный так и не рассказал им о своей граничной сущности, старик тоже не обмолвился. Значит что-то личное. Но человек он с добрым взглядом и хорошими манерами.

И брат... Брат, который теперь смотрел на неё не как на младшую сестрёнку, а как на человека, вступившего на минное поле...

Она повернулась на бок, уткнувшись лицом в прохладную ткань подушки. Усталость накрывала волной, тяжёлой и неумолимой. Мысли расплывались, превращаясь в обрывки.

«Как я выбралась из кошмара? Нужно спросить у Кованого...»

«Как мой брат...»

«На сколько моя связь с граничной сущностью сильна?...»

И её сознание потонуло в тёплом мареве. Сон пришёл не сразу. Сначала было ощущение падения, потом – мягкое погружение в густой, зелёный туман, пахнущий сырой землёй и хвоей. В нём не было страха, не было кошмаров. Была только тихая, безразличная пустота, зовущая отдаться, перестать бороться, раствориться... Но прежде, чем образ завладел ею полностью, Внутренний зверь во сне глухо заворчал, и сон сменился обычной, чёрной, беззвёздной темнотой.

Утро встретило Алису бледными сумерками. Часы показывали семь утра. Она потянулась, вновь прильнувшее ощущение тупой ломоты, ещё одно напоминание о том, что всё случившееся – не сон. Но вместе с болью пришла и непривычная ясность. Четыре долбанных года понедельников... Теперь всё встало на свои места.

– Нужно умыться...

С кухни доносился лёгкий стук посуды. Берёзов уже хлопотал, готовя завтрак. Алиса прошла в направлении звуков.

– Доброго утра, помощь нужна? – Спросила девушка, слегка потирая глаза.

– Не стоит, и тебе доброго. Я уже почти закончил. Разве что, минут через двадцать, пройдишь, разбуди остальных. – Улыбчиво попросил старик и вернулся к своему любимому делу.

Стараясь не шуметь, девушка вышла на балкон – вдохнуть ещё холодный и свежий утренний воздух. Фонари за окном уже не горели, а рассветное солнце еще не показалось. Ветер слегка колыхал последнюю листву. Зябко поёжившись, она приобняла себя руками и взгляд упал в угол, заставленный странным набором вещей.

Там, свернувшись, на узком подобии диванчика, дремал Кованый. Его лицо в полумраке казалось моложе, без привычного вечно раздражённого выражения, а хороший сон немного осветлил тёмные круги под глазами. Но стоило Алисе сделать шаг в ту сторону, как его глаза открылись – мгновенно, без намёка на сонливость. Взгляд был острым, как клинок, и девушка невольно отступила.

– Прости, – пробормотала она. – Не хотела будить...

– Ничего, – голос его был хриплым от сна. — Я не сплю. Просто жду.

Он приподнялся, потянулся, и кости хрустнули тихим треском. Алиса отвлеклась, глядя, как первые лучи солнца золотили крыши соседних домов.

– Завтрак скоро будет готов, – сказала она, больше, чтобы заполнить тишину. – Оладьи, с ромашковым чаем.

Кованый кивнул, устремив взгляд в ту же сторону и тихо прошептал. – Ромашка — это хорошо... Особенно для таких дней.

– Ромашковый чай под любой день хорошо пойдёт. – Алиса хотела продолжить этот умиротворяющий разговор, но увидела движение под подъездом.

Внизу, припарковался аккуратнее, чем можно было ожидать от такого габарита, небольшой чёрный минивэн. Из него вышел Элиас, поправил очки и направился к дому, неся в руках здоровенную папку с бумагами.

– Наш учёный не теряет времени, – заметил Кованый, поднимаясь. – Пойду помогу бедняге, не хватало еще потом собирать это добро по ступенькам.

Он вышел, а погода вышла и Алиса, направляясь к другому окну. К тому, из которого была видна её бывшая цветочная лавка. Теперь она казалась такой далёкой. Её «Тихая гавань...». Она задумалась, как ей теперь объясняться перед начальницей, за такой резкий уход.

– Алис, завтрак! – из кухни донёсся голос Артёма, нарочито бодрый. – Чай стынет, а оладьи так и просятся, чтобы их съели!

За столом царил почти идиллическая картина, если не считать напряжённых плеч Кованого, слишком быстро перелистывающего кучу бумаги принесённой Элиасом. Берёзов разливал по кружкам душистый чай.

– Ну что, – начал старик, когда все уселись. – Пора нам и с этим орлом познакомиться поближе. Артём, ты теперь с нами. Расскажи о себе.

– Артём Пламенев, – представился он чётко. – Старший брат Алисы. Служил в морской пехоте. Знаю, как работать в команде, как держать периметр, как не терять голову, когда всё летит к чертям. Стреляю неплохо, рукопашку знаю на уровне армейского курса. – Он сделал паузу, посмотрел на Алису. – А ещё я знаю, как выживать с минимумом ресурсов.

– Впечатляющая физическая подготовка, – отметил Элиас оценивающим взглядом пробегаясь по сложению Артёма. – И опыт работы в условиях стресса. Это ценно.

– Главное, чтобы не мешался под ногами, – негромко бросил Кованый.

– А ты следи за своим языком, вдруг он тебе однажды помешает, – парировал Артём беззлобно, но с лёгким вызовом.

Берёзов покачал головой, а в уголках его глаз мелькнула усмешка.

– Хватит распрей. Энергию поберегите для дела. А дело у нас серьёзное. – Он отпил чаю и продолжил. – Получил я информацию от старых знакомых. В Заполярном творится неладное. Люди – самые обычные – начали видеть один и тот же сон. Не кошмар, а... пустоту. И после этого, становятся безвольными, теряют связь с реальностью, бродят по городу, как сомнамбулы. – Он обратился к Алисе – Алиса, ты уже кое-что знаешь, хочу услышать твои предположения, какие сущности могут так влиять на людей через сны?

– Чтобы сон один и тот же, массово... – она прикусила губу шурша листочками в голове – На ум ничего так сразу не приходит, но похоже на тeneвую Аранею? Она сплетает паутину снов, и съедает схожие воспоминания, обычно выбирает связанных каким-то событием жертв 3-4 человека и те часто жалуются на амнезию и что находят себя в незнакомых местах.

– Как по мне, похоже на штучки собирателя, – добавил Кованый, не отрываясь от бумаг. – Может месяцами выстраивать сцену вокруг жертвы, чтобы та пережила идеальный, чистый ужас, тоску или восторг, а затем «собрать урожай» – забрать это переживание целиком, оставив человека эмоциональным овощем. Люди в зоне влияния теряют эмоциональную окраску, становятся «блуждающими».

Берёзов одобрительно кивнул.

— Блиско. Я тоже склоняюсь к чему-то вроде собирателя. Что-то обосновалось там и набирает силу. Это как раз подходящий случай для первого выхода в поле – сущность, видимо, не слишком агрессивна, действует медленно. Мы разберёмся, что к чему, и покажем Алисе, как работает слаженная команда.

– А почему именно Заполярный? – спросил Артём.

– Там тонко, – просто сказал Элиас. – Север, долгая полярная ночь, изолированность... Это ослабляет границу. И создаёт деальные условия для роста аномалии.

– А также это мой родной город. Знакомые обратились с просьбой послать лично меня. Выдвигаемся завтра на рассвете, – заключил Берёзов. – Едем на машине Элиаса. Путь неблизкий, будьте готовы к долгой дороге. Сегодня соберите вещи – тёплую, удобную одежду, всё необходимое. И решите свои дела здесь. – Он кивнул Алисе.

После приятной трапезы Артём вышел на балкон, звонить родителям. Алиса, прислушиваясь к обрывкам разговора, улыбалась: «– Да, пап, едем на север, у Алисы там практика по дизайну... Да, я присмотрю... Конечно, тёплые вещи возьмём...».

Позже они вдвоём поехали на квартиру Алисы. В её комнате, залитой дневным светом, вдруг стало легко и просто.

– Помнишь, как мы в детстве собирались в походы всей семьёй? – начал Артём, укладывая её свитер в небольшой чемодан. – Ты вечно забывала носки, а я подсовывал тебе свои, слишком большие.

– А ты вечно терял компас, и мы плутали, пытаясь определить по плотности листвы, где север – засмеялась Алиса, вываливая на кровать очередную горку вещей и перебирая что может пригодиться. – А потом находили какую-нибудь красивую полянку и забывали, куда вообще шли.

– Не мы, а ты. Идём себе идём, оглядываемся – тебя уже нет. Я тогда за голову хватался, бежал, звал тебя. Алиса! Алиса! – Артём хлопнул сестру по плечу и наигранно, печально вздохнул. – А она застыла посреди чистой, полной грибов поляны и гипнотизирует чашу леса.

– Ничего такого не припоминаю. – так же наигранно, передразнивая брата, парировала Алиса. – Как же мы так отделились? – тихо спросила девушка, глядя сквозь брата, будто спрашивая не его.

– Выросли, – ответил он. – У каждого появилась своя жизнь. Взрослая и со своими проблемами. Мне, знаешь ли, не часто выпадает свободная неделька для поездки в горы. Зато, теперь то этого добра явно побольше будет. Хотя, а у вас то, как это вообще работает? – он перестал запихивать вещи и обернулся к Алисе. – Ну типа, это как работа? Фриланс?

Девушка искренне рассмеялась – Божечки, фрилансеры... – её это явно хорошо повеселило, потому что простой смех перешел в истерику.

– Ну а что, Кованый допустим на фрилансера смахивает еще как. Особенно с вечно недовольной мордой, на которой так и написано «дедлайны горят». И мешками картошки под глазами.

С трудом отдышавшись она ответила. – Ну если рассматривать с технической стороны, то да, много общего. Хотя, у нас это всё контролируется людьми по выше те и задания высылают и первичную информацию. Я подробно в этой теме не копалась. Знаю, что те верхушки, через свои связи, узнают о «странностях» и пробивают специалистов в этой области, связываются и дальше решают, что-чего.

Артём кивнул, – ну теперь стало немного понятнее. Никогда бы не подумал, что у нас существуют подобные организации... А теперь ты невольно стала её частью... – последнюю фразу, Артём, проговорил одними губами.

Глава 6

Алиса стояла у дома Берёзова, сжимая ручку большой серой сумки, до отказа забитой вещами. Мысленно она в который раз прощалась со своим беззаботным прошлым, которое цепкими лапами держало за ворот и не хотело отпускать. Рядом Артём переминался с ноги на ногу, держа два объёмных чемодана, и пытался балансировать с гитарой на плече. Ранние сумерки медленно опускались на подмосковный посёлок, будто кто-то накрывал небо тёмным одеялом.

Брат с сестрой прождали близь подъезда около пяти минут, позволяя себе секунды слабости.

– Всё-таки странно это, – подал голос Артём, нарушая тишину. – Ехать чёрт знает куда, зная, что там реально... ну, всякое.

— Всякое, — эхом отозвалась Алиса. — Это всякое — теперь неотъемлемая часть моей жизни. — Она улыбнулась брату и сделала шаг первой.

Брат, немедля и секунды, последовал за ней.

В доме старика, привычно витали приятные нотки сухих трав, и неожиданная тишина. В гостиной, развалившись на кресле с книгой в руках, сидел Кованый. При их появлении он даже не удосужился поднять глаза – только лениво перевернул страницу и с неподдельным интересом вчитывался.

– Берёзов с Элиасом уехали в центр по делам, – сообщил он тоном, каким обычно озвучивают прогноз погоды. – Скоро должны вернуться.

Артём поставил сумки на пол, сбрасывая куртку. – А мы?

– А мы – здесь. У нас другие планы. – Кованый наконец поднял взгляд и посмотрел на Алису. – Старик велел показать тебе, как пользоваться переходом, чтобы ты понимала и больше не попадала в такого рода неприятности.

– В теневой мир? – уточнила Алиса, пытаясь скрыть тревогу.

– Именно. – Кованый закрыл книгу, предварительно вставил закладку и отложил её в сторону. – У тебя не так давно это вышло. Пора учиться делать как надо, осознанно. – он лениво кивнул на диван, стоящий у другой стены. – А для этого тебе понадобится *«уснуть»*, советую лечь поудобнее. – Он подметил как его подопечную перекосило.

Артём шагнул вперёд, заслоняя сестру. – Погоди. Ты хочешь, чтобы она прямо сейчас... легла, и уснула, и... – Потом немного задумался и спросил. – Может ли что-то пойти не так?

– Нет. – Кованый поднялся, движения его были плавными, а слова растягивались и звучали почти шепотом, будто его голова неистово болела или ему настолько всё это надоедает. – Я буду рядом, а это, уже многого стоит. И потом, твоя сестра – не просто испуганный ребёнок. В ней сидит сущность, которая прекрасно знает, как это делается.

– Это она тебе сказала? – Алиса выглянула из-за плеча брата. – Лично мне так не показалось иначе, почему мой прошлый переход закончился так... плачевно? – Она приподняла свитер и ткнула большим пальцем в бинты.

– Потому что ваша связь была приглушенной. – Кованый скрестил руки на груди. – А еще, потому что ты её не контролируешь. – Он перевёл взгляд на Артёма. – Ты. Будешь следить за телами.

– За телами?

– Физическими оболочками. – Перефразировал он. – Пока мы будем на той стороне, здесь останутся лишь пустые «сосуды». Твоя задача – не дать никому помешать... И, не впадать в панику. – Кованый усмехнулся. – Справишься?

Артём сжал кулаки, но промолчал. Только кивнул.

Алиса села на уже знакомый диван и облокотилась, сердце колотилось где-то в горле.

«— беспокойно мне, ой как беспокойно. То место, пусть я и имею представления что там и как работает, но страх перехватывает дыхание. Ещё и с Кованым туда идти... Интересно, что из этого страшит меня больше? »

— Закрой глаза, — раздался с боку голос Кованого — Не засыпай. Просто закрой глаза и почувствуй грань. Ухватись за неё... Ты поймёшь, о чём я.

Тьма за веками казалась почти родной. Она дышала вместе с ней, ворочалась. Вдруг — ощутила. Тонкую нить, тянущуюся откуда-то из-под рёбер. То, что находилось внутри держало её другой конец. И она позволила себе провалиться.

— Помни, сейчас, ты — тот, кто контролирует. Всё что происходит — твоя воля. — Голос Кованого звучал глухо, будто из-под толщи воды. — Если дашь слабину — граничная сущность может перехватить управление, и будет... Не очень хорошо...

Сначала было ощущение падения — мягкого, как в лифте, который резко поехал вниз. Потом — холод. Пронизывающий. А потом — тишина. Абсолютная, звенящая, какой нигде не бывает.

Она лежала на том же диване в гостиной. Но мир вокруг изменился. Исчез брат и Кованого нигде не видно. Поднявшись, Алиса, не торопясь прошлась к окну.

Небо было чёрным. Не тёмно-синим, не фиолетовым — именно чёрным. Без звёзд, без луны, без единого просвета. Только бесконечная, давящая пустота вверху. Дома стояли на своих местах, но выглядели иначе — облезлыми, старыми, будто простоявшими здесь сотню лет без единого ремонта. Стекла в окнах через одно отсутствовали, вместо них зияли провалы. Алиса потянулась, открыла створки и ветер — холодный, пронизывающий до костей — ворвался в комнату, а в нос ударил знакомый запах сырости.

Девушка замерла, остановив взгляд на своих руках, они были обычными, человеческими. Но от них, словно от мокрой ткани вода, сочилась тьма. Тонкие струйки черноты стекали с пальцев, с запястий, таяли в воздухе, не достигая земли. Она провела ладонью по плечу — и там остался тёмный влажный след.

Рядом послышался шаг.

Кованый стоял за её плечём. Выглядел он... иначе. Его фигура тоже истекала тенями, но в глубине этих маленьких чернеющих прожилок, мелькали сотни глаз. Они открывались и закрывались: на его коже, на одежде, даже в воздухе вокруг него — и все смотрели в разные стороны.

Алиса невольно отступила на шаг. — Это... то самое?

— То самое?

Возможно, ей показалось, но звучал он обиженно.

Помедлив немного, Кованый всё же ответил — Ага, то самое. — Он повёл плечом, и россыпь глаз переместилась, будто стая мелких рыбок. — Не стой столбом, — бросил он, не оборачиваясь. — Идём.

— Я... — Алиса хотела сказать что-то ещё, но внезапно мир качнулся. К горлу подступила тошнота, резкая, как удар под дых. Голова закружилась, ноги подкосились. Сквозь помутневшее сознание вспомнилось то роковое утро. И послышались чертыхания.

Кованый уже собирался было делать шаг, но уловил как начало штормить его подопечную. Он подхватил её под локоть и констатировал. — Последствия перехода. Первые разы всегда так. Скоро привыкнешь.

Алиса зажмурилась, пережидая приступ. Внутренний монстр заворочался, будто тоже чувствовал дискомфорт. Она присела, а после облокотилась на стену, прижимаясь лбом к холоду пыльных обоев. Всё плыло, пространство вокруг сразу искажалось, а потом возвращалось в норму. И так по кругу. С минуту посидев у прохлады, она стала приходить в себя.

— Легче? — спросил Кованый, не отпуская руки.

— Да... Спасибо.

Он кивнул помогая встать. – Теперь пошли в более подходящее место. – Шагал он легче нежели на той стороне. И речь была чётче. – Раз переход прошел без осложнений, устрою тебе небольшую экскурсию.

Кованый странным жестом отворил запертые двери квартиры Берёзова, и они вышли на улицу.

– возможно, кое что, старик уже втолковал тебе про это место, я пройду по основному. Здесь нет ни дня, ни ночи, в привычном понимании. Вечные сумерки. Редко – полная тьма. Света от луны и звёзд ты тоже не дождёшься, их тут просто нет. – Говорил он будто бы давно зазубренную речь.

Алиса подняла голову к чёрному небу.

– А солнце? Я видела его, когда была тут в прошлый раз.

– Иногда пробивается. Тусклое, плоское, как на старой фотографии и дальше горизонта не встаёт. Но и это довольно редкое явление. Обычно – вот так. В больших городах, как этот, теньевые быстро скапливаются, но и устраняют их так же быстро. Поэтому тут сейчас относительно спокойно.

Они пошли вперёд. Под ногами хрустела какая-то труха – то ли асфальт, то ли листва, превратившаяся в пыль. Ветер завывал в разбитых окнах, и в этом вое чудились голоса – далёкие, почти неразличимые.

– А что это за звуки? – спросила Алиса, прислушиваясь.

– Эхо, – равнодушно ответил Кованый. – Мелкие призраки, остатки эмоций, обрывки снов. Они не опасны, но неприятны, если подберутся близко. Любят скапливаться и привлекают рыбу по крупнее, но людей боятся. Относятся к классу шушары.

Алиса покосилась на его глаза-россыпи. И как, к слову, решив удовлетворить своё любопытство, начала из далека. – Когда бродила тут в одиночку, часто слышала их голоса за спиной. Но стоило мне обернуться, как те – моментально исчезали. Хотела рассмотреть поподробнее, ты их можешь увидеть?

– Эта мелкотня даже не подозревает о моём присутствии, поэтому да. Окулуса сложно обнаружить, а окулус видит всё. – Он повёл рукой, и один из глаз на его предплечье моргнул. – Они выглядят как серый сгусток забытых вещей, пытающийся собраться в лицо. – Он махнул рукой в сторону.

Алиса проследила за жестом, всмотрелась в темноту, и действительно заметила шевеление. Две тени, бесформенные, колеблющиеся, жались к стене дома. Одна будто всхлипнула, другая зашипела. Но стоило Алисе сделать шаг в ту сторону, как тени шарахнулись и исчезли.

– Трусливые, – усмехнулась она, догоняя Кованого.

– Они здесь все по большей части трусливые, – подтвердил тот. – Из мелкотни выживают те, кто умеет прятаться. Потом подрастают, находят оболочку и приходится прятаться уже от них.

Они миновали несколько домов. Алиса рассматривала тени, сочащиеся с её рук, и вдруг заметила кое-что странное.

– Кованый, – она впервые обратилась к нему по этому странному прозвищу, ощущалось это странно. – а почему у меня... – Она запнулась. – Ну, у тебя глаза вокруг летают. А у меня просто тьма течёт.

– Сейчас, ты частично наследуешь внешний вид своей граничной сущности – ответил он, продолжая идти вперёд. – Такие у неё проявления. Эта текучая тень – твоя «броня».

Алиса провела рукой по воздуху, и струйки черной дымки потянулись за пальцами. – Интересно, он... эта сущность, как она выглядит?

– Понятия не имею. С такими, как твоя, раньше не сталкивался. – Кованый сунул руки в карманы. – Обычно их сжирают быстрее, чем те успевают чему-то научиться. Твой – скорей всего древний. Значит, либо хитрый, либо очень сильный. Либо и то, и другое.

– Берёзов рассказывал о нём совсем немного, говорит: такие образуются, когда шушара или иной душок достигает определённого этапа и присваивает себе тело животного, умершего насильственной смертью. Тогда они с типа: «сущность», переходят в тип: «объект» и название меняется. В моём случае, эта сущность заняла тело кота.

Кованый ничего не ответил, продолжая идти в неясном направлении.

– К слову, я всю жизнь кошек любила, – сказала она пытаясь заполнить давящую со всех сторон тишину. – И они ко мне тянулись. Бездомные преследовали, знакомые на руки просились.

– Кошки вообще странные животные, – подхватил Кованый – они, как и большинство животных – видят тени. Но не проявляют в их сторону агрессии, в отличие от тех же собак. Они, играют с ними. Иногда дают, как мышей, но не едят. Просто... развлекаются наверное.

– Может когда шушара обретает тело, она так же наследует некоторые его повадки. Могли этот слиться со мной, просто потому, что я пахла кошатницей?

– С такими теориями, не ко мне, тут больше Элиас со Стариком любители покопаться. – Он бросил на неё короткий взгляд. – Думаю, тогда тебе крупно повезло и что-то в моменте поглощения пошло не так. Сам процесс досконально не изучен, мы знаем лишь что должно совпасть много факторов, и даже так, успех слияния не стопроцентный. – Кованый остановился и указал рукой вперёд. – Смотри.

Они вышли на небольшую площадь. Раньше здесь, видимо, был сквер – теперь от него остались лишь голые, чёрные стволы деревьев да покосившаяся скамейка. В центре, на месте фонтана, зияла глубокая воронка, из которой сочился мертвенно-бледный свет.

– Что это? – прошептала Алиса.

– След сильной твари. – Кованый подошёл ближе, но соблюдая дистанцию. – Чувешь? Запах гнили?

– Да. И ещё что-то... Непонятное, кислое?

– Мешанина из эмоций. Концентрированная. – Кованый повернулся к ней. – Запомни этот запах. Если почувствуешь его в реальном мире – значит, рядом есть нечто не очень приятное и стоит позвать старших.

Он постоял ещё немного, разглядывая воронку. А потом развернулся, давая понять, что экскурсия окончена.

– На сегодня хватит. Пора возвращаться, пока брат твой не поседел.

– Он, вообще-то, не такой трусливый. – Ответила Алиса, но сама слегка улыбнулась. Да, если это касалось её, он может и поседеть.

Артём сидел в кресле, не сводя глаз с двух неподвижных тел. Алиса лежала на диване, Кованый – на соседнем кресле. Оба дышали ровно, но казались бледными и... как брошенные куклы.

Прошло уже больше часа.

Тот день. Звонок сестре – абонент не в сети. Потом ещё, и ещё. Пустой магазин. Квартира Алисы, где всё было вверх дном. Он, врывающийся в подъезд и сталкивающийся на лестнице с Кованым, который уже был там. Человек из прошлого. Не хорошего прошлого.

«*Не входи*», – сказал этот мутный тип.

Но Артём вошёл.

Алиса лежала в прихожей. Кровь – на полу, на её одежде. Слишком много крови для одной маленькой девочки. А из тени в углу тянулись щупальца, обвивая её тело, впиваясь в

кожу. И сестра... сестра не кричала. Она смотрела в потолок пустыми глазами, а из разорванной груди сочилась тьма, переплетаясь с тьмой побольше.

Артём зажмурился, тряхнув головой. Воспоминание было слишком ярким, слишком болезненным. Он тогда застыл в дверях, не в силах двинуться, пока Кованый не оттащил его силой.

– Она умирает! – заорал он.

– Нет. Она борется. Это разные вещи. – раздраженно продолжил тот, затыкая рот Артёму.

Воспоминание схлынуло так же резко. Артём выдохнул, разжимая пальцы. Кресло под ним скрипнуло.

В этот момент в прихожей послышался шум. Щелчок замка, голоса.

– Добрый вечер. – раздался голос Берёзова. – Как у вас обстановка?

Артём вскочил, встречая старика и Элиаса в коридоре, кивнул головой в сторону гостиной. – Кованый что-то говорил о *теновом мире*, они еще не проснулись.

– Хорошо. Значит, время потрачено не зря. – Он повесил пальто на крючок и прошёл в гостиную. – А ты, малец, как себя чувствуешь?

– Пойдёт, – ответил тот. – но, не нравится мне всё это.

– Ты хорошо держись. – Берёзов похлопал его по плечу. – Сейчас я пойду готовить нам еду в дорогу. Как сестра проснётся и придёт в себя, пусть подойдёт.

Старик скрылся на кухне, а Элиас, бережно положил свою объёмную папку на стол и поставил стул напротив Артёма.

– Выглядишь неважно – сказал он с мягким акцентом.

– Есть немного. – Артём потёр лицо ладонью и следом опустил на кресло. – Воспоминания накрыли. И так не спокойно, от понимания что ничего не могу сделать.

– Это нормально. Первый опыт столкновения с подобным всегда оставляет след. – Элиас заправил выбившуюся прядь за ухо надевая очки. – Если есть желание послушать, могу немного рассказать о том – о сём.

– Давай. Я всё равно пока ничего не понимаю.

– Начнём с простого. Организация, в которой мы состоим, называется "Гранично-Аномальный комитет". Это одна из множества официальных структур, созданная ещё в начале двадцатого века, когда теновые сущности стали особенно активны. Крупные семьи, на тот момент занимавшиеся этой работой, объединились с государственной частью и создали Гр.Ан.ком. Работает наша организация при поддержке правительств многих стран, хотя широкой публике о ней неизвестно.

– То есть это всё... даже легально... вернее, это настолько распространено? – уточнил Артём, теряясь в мыслях.

– У нас есть документы, зарплата, даже пенсионные отчисления. – Элиас рассмеялся. – Шучу. Насчёт пенсии – это сложно. Граничники редко доживают до неё.

Артёму последняя фраза не понравилась. – А ты... Ты сам, давно работаешь?

– Я был аналитиком в канадском отделении, около пяти лет. Изучал аномалии, классифицировал сущности, писал и читал отчёты. Много отчётов. – Элиас вздохнул. – Но сидеть в кабинете, когда за окном происходит такое... Это не для меня. Поэтому попросился к мистериу Берёзову. Хочу набраться практического опыта.

Артём хотел было сказать, что иностранец не выглядит как тот, кто готов быть на передовой и иметь дело с чем-то страшнее взбешённой собаки, но подавил едкую насмешку, в место этого спросил – И как тебе пока?

– Познавательно. – Элиас кивнул на неподвижное тело Кованого. – Особенно наблюдать за таким, как он. Обычно они работают в одиночку.

– А почему?

– Сложный характер, – усмехнулся Элиас. – Шучу. Просто их способности лучше всего раскрываются в одиночной охоте. А если точнее, им не нужна поддержка. Да и большая часть таких как я, простых людей с бумажками, не особо довольна сотрудничеству с тем, кто может тебя ненароком сожрать. – сделав паузу Элиас оценил такое неопишимо выдающееся выражение на лице Артёма и удовлетворённо поспешил разъяснить. – Это всего лишь байки, ходящие по офисам, не более. Для обучения новичков он подходит идеально – видит всё, контролирует периметр, замечает опасность раньше, чем она возникнет.

– Я понял. – Артём кивнул. – Спасибо, что рассказал, теперь буду спать немного спокойнее.

– Рад помочь. – Элиас потянулся к своей папке, достал оттуда пару листов, пролистал их и протянул парню. – Можешь немного ознакомиться с нашей задачей на досуге. А теперь, если не возражаешь, я отдохну. Продолжим в другой раз.

Прошло ещё около часа. Берёзов на кухне хозяйничал, по дому разносился запах жареного лука и специй.

И вдруг Кованый глубоко вздохнул и открыл глаза – Сел, потянулся, хрустнув шеей.

– Ну что? – спросил Артём нетерпеливо.

– Нормально. – Кованый поднялся. – Всё прошло успешно. Она скоро очнётся.

И действительно, спустя минуту девушка на кровати пошевелилась. Сначала дрогнули веки, потом пальцы. Она вздохнула – судорожно, глубоко – и открыла глаза.

Некоторое время Алиса лежала неподвижно, глядя в потолок, потом медленно села, свесив ноги с кровати. Артём тут же оказался рядом.

– Ты как?

– Голова кружится, – ответила Алиса тихо. – И мутит немного.

– Пройдёт, – раздался голос Кованого из коридора. Он уже возвращался с кухни с кружкой воды. Протянул Алисе. – Пей. В следующий раз будет легче.

Алиса сделала несколько глотков. Посидела так, потом подняла взгляд на брата. – Со мной всё в порядке. Правда. Не смотри на меня так, будто я готова вот-вот отдать богу душу.

– Ты уверена? Выглядишь так, будто вот-вот и это случится.

– Да? – Она рассмеялась и перевела тему. – Там... это, странное место. Пустое. Холодное. А еще там нет солнца. – она сделала паузу и приложила ко лбу прохладную кружку. – Давай более подробные рассказы оставим на завтра. Что б тебе кошмары не снились – Она посмотрела на свои руки – обычные, чистые. Ни следа тьмы.

– Эй! Я, знаешь ли, по старше тебя буду и не такое успел повидал. – Он с улыбкой посмотрел на сестру – Там старик просил: как придёшь в себя, подойти к нему.

– Алиса! – Берёзов заметил её первым. – Заходи, не стой в дверях.

На столе, рядом с разложенными бумагами, лежали: небольшая книжечка в чёрной твёрдой обложке и серебряный жетон на цепочке.

Элиас придвинул документ ближе. – удостоверение граничника и небольшой подарок от нас.

Алиса взяла книжечку в руки, открыла. Её фотография, имя, фамилия. Рядом с датой выдачи стояла печать, которой она раньше не видела – странный символ, напоминающий щит и веточки. *Гранично-Аномальный комитет, отдел устранения, ранг: не определен.*

– С этого момента ты не просто ученица Берёзова, а полноправный член организации. – пояснил Элиас, слегка потирая сонные глаза и улыбаясь.

– А жетон? – Алиса подняла серебряную пластинку, рассматривая тонкую гравировку.

– Тот самый презент, с небольшим дополнением. – ответил Берёзов, откладывая нож, которым резал хлеб. – Обычные люди и служащие про нас не знают. Но в МЧС, и в высших эшелонах полиции... там есть те, кто в курсе. Если попадёшь в переделку, удостоверение поможет. Не всегда, но чаще, чем хотелось бы.

– А жетон, – добавил Элиас, – он защищает. Частично. От слабых воздействий существей. Не панацея, но лучше, чем ничего. – Он осторожно взял из рук Алисы и застегнул цепочку на её шею. Холодная пластинка серебра легла на грудь. Элиас, быстрым взглядом, пробежался по Алисе и улыбаясь продолжил. – Машина уже загружена. Остались только ваши вещи. Давай-ка растормошим Артёма и отнесём их.

Когда все разошлись, часы показывали половину четвёртого. До отъезда – часа два. Её сердце слегка колотилось от волнения и сон не шел. Мысли путались, воспоминания о теневом мире накатывали волнами, заставляя сердце биться чаще. Чёрное небо. Пустые окна. Ветер, завывающий в разбитых стёклах.

А что, если попробовать ещё раз?

Мысль пришла неожиданно и тут же завладела сознанием. В прошлый раз рядом был Кованый. Он контролировал ситуацию, следил за ней, подстраховывал. Может, стоит попробовать самостоятельно? Немного побродить, осмотреться без чужого присутствия? Одним глазком. Пусть ей было до жути страшно, глупый интерес звал последовать за этим жутким порывом.

Тьма за веками сгустилась быстрее, чем в первый раз. Падение – мягкое, почти невесомое. Знакомый озноб.

Она открыла глаза.

Теневой мир встретил её тем же чёрным небом. Но теперь, всё и правда ощущалось иначе. Тени подле домов казались гуще, чернее. Ветер завывал громче, и в этом вое отчётливей слышались голоса. Что-то шевелилось в провалах окон, в тёмных подворотнях, за углом.

Алиса сделала шаг, и эхо гулко разнеслось по пустой улице. Что-то внутри неё напряглось, насторожилось.

Глуно, – шепнул внутренний голос. – Возвращайся.

Но Алиса упрямо двинулась вперёд. Она хотела увидеть больше. Её влёт интерес исследователя.

Она прошла мимо дома с воронкой на месте фонтана – сейчас та выглядела ещё глубже, ещё чернее, а мертвенный свет из неё пульсировал, будто дышал. Вдалеке мелькнула тень – высокая, тощая, слишком быстрая. От присутствия чего-то что могло напасть, пелена детского любопытства слетела, и прогулка стала казаться не особо хорошей идеей, но тень исчезла, не приближаясь.

Сердце колотилось где-то в горле. Воздух здесь был плотным, тяжёлым – каждый вдох давался с усилием. Алиса развернулась и почти побежала обратно. Она петляла между домами, стараясь держаться тех мест, которые запомнила во время прогулки.

Она уже почти добежала, когда сзади что-то схватило её за руку. Холодом впиваясь в запястье. Мурашки стадом пробежались по спине оставляя за собой леденящий след.

Алиса вскрикнула, дёрнулась, оборачиваясь – и замерла. Стараясь придать лицу серьёзный и невинный вид.

Кованый.

Он стоял в двух шагах, держа её за запястье, смотрел тяжёлым, осуждающим взглядом. И просто молчал, либо от досады не знал, что сказать.

С минуту он просто стоял и смотрел на неё, потом тяжело выдохнул. – В больших городах их не так много, службы об этом заботятся. Но всегда бывают просчёты. – он указал пальцем на неё. – В последнее время у мелкотни прибавилось мозгов и теперь они умудряются подстривать засады. – Кованый разжал руку и развернулся. – Твой неразумный поступок мог тебе аукнуться. В одиночку здесь не ходят. Особенно новички. Запомни это, если жить хочешь.

Она лежала с открытыми глазами, глядя в тёмный потолок, и пыталась унять дрожь. Воспоминания всё ещё пульсировали где-то под кожей – тот миг, когда чужая рука сжала её запястье. Если бы это был не Кованый...

В комнате старика горел ночник – маленький, жёлтый, с абажуром в виде цветка. Берёзов сидел в кресле у окна, держа в руках старую фотографию в потёртой рамке.

Она смотрела с неё молодой, весёлой, с той самой искоркой в глазах, за которую он когда-то влюбился без памяти. Снимок был сделан за неделю до её первого дела.

«Миш, – говорила она тогда, нервно теребя край плаща. – Это до чёртиков пугает, давай просто сожжём тут всё к чертям!?»

«Хах! Ты собралась жечь духов? – ответил он, хотя сам желал спалить тот дом. – Давай думать трезво. Я рядом».

Оно и вышло рядом. Тридцать лет бок о бок – охота, ранения, бессонные ночи, редкие минуты покоя. А потом...

Берёзов провёл пальцем по стеклу, очерчивая любимое лицо.

– Завтра везу новенькую на первое дело, представляешь, она так похожа на тебя в молодости – сказал он тихо. – Девчонка. Тоже боится по-своему, переживает. Но любознательная, а в глазах огонь, сейчас немного привыкнет и откроется остальным. И внутри у неё – сила. Древняя. Ты бы видела...

Он замолчал. В комнате было тихо, только где-то за стеной едва слышно поскрипывали половицы под чьими-то шагами.

– Присмотри за ней, – попросил Берёзов, глядя на фотографию.

Он поцеловал кончики пальцев, прикоснулся ими к стеклу и убрал снимок в ящик прикроватной тумбочки.

Спать не хотелось. Но через два часа – подъём, и сил понадобится много. Старик закрыл глаза, устраиваясь в кресле поудобнее.

Перед ним лежал раскрытый ежедневник. Элиас выводил ровные строки на английском, изредка поглядывая в окно.

«11 ноября. Подмосковье – Заполярный. Выезд в 6:00. Состав группы:

Берёзов – (руководитель);

Кованый – (силовая поддержка, граничная сущность класса «А1» примечания: Окулус);

Алиса Пламенева – (стажёр, граничная сущность – требует дальнейшего изучения);

Артём Пламенев – (брат стажёра, прошел военное обучение, без сущности).

Цель: исследование аномалии в Заполярном, массовые нарушения сна, возможное присутствие сущности типа «Собиратель» или аналога.»

Он зевнул, прикрывая рот ладонью. Два часа. Нужно поспать хотя бы немного – дорога предстоит долгая и путь не лёгкий, а он за рулём.

Элиас закрыл ежедневник, убрал его в сумку и лёг на кровать. Сон пришёл быстро – сон без сновидений. Как и всегда.

После разговора с Элиасом Артёму действительно стало легче. Ненамного, но достаточно, чтобы перестать попусту терять нервные клетки.

Перед ним лежала тонкая стопка бумаг, которую передал Элиас.

Артём взял первый лист.

«Объект: аномалия в городе Заполярный.

Характер проявления: нарушения сна у жителей.

Симптомы: пострадавшие видят один и тот же сон (пустота, темнота, ощущение падения, спокойствие), после пробуждения теряют связь с реальностью, становятся апатичными, бродят по городу без цели. На данный момент зафиксировано пять жертв. У троих прослеживается связь – соседи по одному подъезду. У двоих – нет.

Прогрессия: на ранних стадиях пациенты могут вспомнить утраченную информацию, если им её напомнить. На поздних – мыслительные процессы угасают полностью, человек превращается в "блуждающего"».

Дальше шло описание местности. Заполярный – небольшой город за полярным кругом, население около пятнадцати тысяч. Градообразующее предприятие – горнометаллургический комбинат. Особенности: полярная ночь с ноября по январь, экстремально низкие температуры, удалённость от крупных центров.

«Тонкая грань, – вспомнил Артём слова Элиаса. – Идеальные условия для роста аномалии».

Он перелистнул дальше. Раздел «История угроз» за последние десять лет быстро проглядел:

– 2014 г. – появление полтергейста в здании старой школы. Ликвидировано силами местного граничника.

– 2016 г. – вспышка активности теневого псов на окраинах. Три жертвы. Сущности отогнаны за грань. Разлом запечатан.

– 2019 г. – зафиксирован случай одержимости на комбинате. Работник провёл трое суток в забое. Спасён, сущность изгнана.

– Бла бла, бла бла бла – бла бла.

Артём откинулся на спинку кресла. Глаза слипались, но спать не хотелось – мозг переваривал информацию.

Что бы не проводить время в пустую он достал ноутбук, открыл браузер. Пальцы замерли над клавиатурой. Он осмыслял, как правильное будет начать поиск.

Граничники. Теневой мир. Сущности из теневого мира. Гранично-Аномальный комитет.
Вбил запросы.

Поисковик выдал тысячи ссылок: форумы фанатов мистики, статьи про славянскую мифологию, старинные ритуалы, как изгнать демона, блоги экстрасенсов, фильмы и книги в жанре фэнтези. Ничего похожего на правду.

Артём усмехнулся. Завалить инфополе мусором, чтобы никто не нашёл истину. Не мог он поверить, что существуй такое бок обок с людьми, никто не додумался написать об этом статью в интернете.

Он полистал ещё немного, но усталость брала своё. Глаза слипались, строчки текста плыли. Артём закрыл ноутбук, и провалился в мутную дрёму.

Он стоял на балконе уже больше часа. Вертел в пальцах зажигалку, огонёк то появлялся, то исчезал, петляя вокруг руки. Ночь была холодной – ветер пробирал до костей, заставляя зябко поводить плечами даже в плотной куртке.

– Балбесина. – выдохнул очередное оскорбление в сторону своей новоиспечённой подопечной. Он повторил это уже три раза, толи себе толи пытаясь мысленно отправить это послание в голову глупой девчонки.

Она вполне успешно привлекала своим присутствием нежеланных гостей. Свежая, слабая, лёгкая добыча. Такие за границей долго не живут – если, конечно, рядом не оказывается кто-то, кто готов вытаскивать их из передраг, в которые они так нарочито лезут. Одна из его задач пока что заключается именно в роли этого «спасательного круга».

Кованый знал таких, как она. Глупые. Верят в свои силы и следуют за порывами детского любопытства. Им всё кажется игрой, пока в глотку не вцепятся настоящие зубы.

– Неужели ей было мало первого раза? – тут Кованы даже усмехнулся, от досады. – И как обучать ту, кто не может удержать в своей голове прошлый провальный опыт?

Не первый раз он инструктирует новичка. И как показывала практика, он в этом полный ноль. Первое-второе самостоятельное задание – и его бывшие ученики либо пропадали без вести, либо погибали по тем или иным причинам.

Они все смотрели на него с надеждой и верой, что он их чему-то научит. А он не умел. Его задача убивать тварей и выживать. Объяснять, как это делается, – совсем другое. Но Старик посчитал, что он – идеальная кандидатура на обучение этой балбесины.

– Спасибо... Уважил. – пробормотал Кованый.

Он выпустил незамысловатое облачко в небо, притушил окурочок о ставню и спрятал в пустую пачку – не сорить же здесь. Опустился на небольшой, обустроенный диванчик, заворачиваясь в плед и прикрыл глаза, проваливаясь в дрёму. Скоро должен забрезжить рассвет.

ПРОЛОГ

Тишина приходит не сразу.

Сначала она просто задерживается на пару секунд дольше, чем положено. Между ударами сердца. Между вопросом и ответом. Между тем, как ты закрываешь глаза, и тем, как проваливаешься в сон — там, на этой неощутимой границе, где мир ещё твой, но уже не совсем.

В маленьком городе, который на картах обозначен едва заметной точкой, этой тишине никто не удивился. Там всегда было тихо. Полярная ночь, снег, редкие фонари. Люди привыкли не замечать.

Датчики на Кольской сверхглубокой за сутки до этого взбесились. Стрелки прыгали, самописцы чертили линии, которых не могло выдавать устройство. А потом — всё. Ноль. Тишина. Будто кто-то выключил реальность на несколько секунд.

Научный сотрудник, дежуривший в ту смену, напишет в отчёте: «помехи, вызванные магнитной бурей». Начальник подпишет, не глядя.

Никто не спросит, почему магнитная буря не зафиксирована ни на одной другой станции в радиусе тысячи километров.

Никто не заметит, что с той самой ночи в городе начали пропадать люди. Не все сразу. По одному. Те, кого никто не хватится. Те, у кого нет близких. Или у кого близкие слишком устали, чтобы искать.

А потом начались сны.

Одни и те же. У разных людей, которые никогда не встречались. Они просыпались с криком, но не могли вспомнить, что им приснилось. Только чувство оставалось — липкое, тягучее, будто кто-то ходил по их памяти тяжёлыми шагами и забирал что-то важное.

А в одном подъезде, на стене, начала проступать плесень. Странная. Слишком зелёная. Слишком живая. Она росла и дворник, который пытался её счистить, наутро забыл, как его зовут.

Он всё ещё ходит по городу. Иногда его видят на окраине. Он улыбается, но глаза смотрят в разные стороны — и ни одна из этих сторон, не является нашим миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.